

Л.А.Булгакова

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ БЕДНЯКИ: ПОМОЩЬ СОЛДАТСКИМ СЕМЬЯМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Bulgakova, L.A. "The Privileged Pooors: Aid to Soldiers' Families during the World War I".

This article deals with the law bases, sources and size of financing, principles and defects of organization of the social aid to soldiers' families.

До войны при обсуждении вопроса о категориях лиц, наиболее нуждающихся в обязательном призрении, к таковым относили покинутых и беспризорных детей, калек, престарелых, хроников и прежде всего душевнобольных, представляющих опасность для общества. Однако в России первой категорией нуждающихся, к которым впервые в массовом масштабе были применены начала обязательного, «государственного» призрения стали не подкидыши

* Статья подготовлена при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Маркатуров в рамках программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию, грант № 57302.

и не душевнобольные, а солдатские семьи. Основа для этого была создана законом 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств (ПСЗ III 1912. № 37507),* который был принят сразу же вслед за новым Уставом о воинской повинности и законом о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам 23 июня 1912 г. (Там же. № 37417, 37442).

В соответствии с законом 25 июня 1912 г. были существенно расширены пенсионные права нижних чинов и их семейств, установлен единый источник пенсионного обеспечения – средства Государственного казначейства – и увеличены размеры пенсий утратившим трудоспособность в результате прохождения службы нижним воинским чинам, а также их вдовам и круглым сиротам. Кроме того, право на призрение получили семейства нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах, иными словами – всех призванных при мобилизации из запаса и ополчения, задержанных на действительной службе после окончания ее обязательного срока и поступивших добровольцами.** При этом женам и не достигшим 17-летнего возраста детям право на призрение предоставлялось независимо от их материальной обеспеченности. По достижении 17 лет право на призрение сохранялось только в случае доказанной нетрудоспособности детей воинов. Дочери теряли его раньше, если выхо-

* Этот закон вошел в новый, 7-й раздел Уставов о пенсиях и единовременных пособиях (СЗ. Т. III, по Продолжению 1912, 1913 и 1914 г.) и в Устав об общественном призрении (Там же. Т. XIII. 1915); см. также: СУ. 1912. Ст. 1198.

** Семейства нижних чинов войскового сословия, находящихся на действительной службе в мобилизованных казачьих частях или в войсковом ополчении, на основании закона 18 мая 1911 г. призывались в военное время за счет средств станичных (хуторских, поселковых) обществ и общевойскового капитала, а при их недостатке – с добавлением пособия от казны (ПСЗ III 1911. № 35217; СУ 1911. Ст. 950). По закону 25 июня 1912 г. призрение казачьих семейств стало оказываться за счет казны. 9 августа 1914 г. правила о призрении казачьих семейств при мобилизации с небольшими изменениями и дополнениями были введены в действие (СУ 1914: № 2279). Право на призрение было распространено также на проживающие в России семейства российских подданных, находящихся на действительной службе за границей в войсках союзных государств и на семейства не состоящих в российском подданстве, но находящихся на действительной службе в рядах российских войсковых частей или в армиях союзных с Россией государств.

дили замуж. Призрение распространялось также на родителей, деда, бабушку, братьев и сестер нижнего воинского чина при условии, «если они содержались трудом последнего». Никаких указаний на их возраст и трудоспособность в законе не было.

Право на призрение означало право на получение казенного продовольственного пособия деньгами из расчета на каждого «призреваемого» не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла в месяц. Детям до 5 лет пособие полагалось в половинном размере. Стоимость «кормовой нормы» (пайка) должна была вычисляться губернским (областным) присутствием или соответствующим ему учреждением при неперменном участии управляющих казенной и контрольной палатами или заменяющих их лиц и пересматриваться к 1 сентября каждого года или «при всяком существенном изменении цен продуктов», а выдача пайков производиться за месяц вперед в городах и четыре раза в год вперед за три месяца – в марте, июне, сентябре и декабре в сельской местности. Контроль «за своевременным и надлежащим призрением» солдатских семей возлагался на губернаторов, начальников областей и градоначальников. Кто мог тогда предвидеть, что этим законом была заложена «мина замедленного действия», разорвавшаяся в 1917 году?

Назначением в военное время женам и детям воинов, независимо от их имущественного положения, государственного пособия – пайка нарушался один из основных принципов рациональной филантропии, требующей индивидуализации призрения и оказания помощи по мере нужды и с разбором. Фактически такое «призрение» было равносильно пенсии. Уравнительный подход к призрению солдатских семейств был вызван горьким опытом русско-японской войны, когда из-за отсутствия более или менее разветвленной системы призрения некому было проводить обследование солдатских семей и в большинстве местностей оно сосредоточилось в руках волостных старшин, станowych приставов и чинов местной полиции, которые занимались им по своему разумению и к тому же не были заинтересованы в выдаче пособий, ввиду того что

помощь в те годы оказывалась за счет местных повинностей, а не из государственных средств.

Согласно действовавшим тогда временным правилам 25 июня 1877 г. о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу (ПСЗ II 1877. № 57503), которые были приняты во исполнение статей 35 и 41 Устава о воинской повинности 1 января 1874 г. (Там же. 1874. № 52983), вводившим всеобщую воинскую повинность, и сохраняли свою силу ровно тридцать пять лет, призрение нуждающихся жен и детей нижних воинских чинов препоручалось земствам, городским и сельским обществам. Земства должны были выдавать им продовольственное пособие натурой или деньгами в размере солдатского пайка, а городские и сельские общества – предоставлять бесплатное помещение с отоплением, если те не имели собственного жилища или дарового приюта. Призрение отца, матери, деда, бабушки, братьев и сестер (круглых сирот) призванного, если они содержались его трудом, возлагалось на сословные общества и было по существу фиктивным.

Расходы на призрение являлись непосильным бременем для общественных и сословных учреждений. Состав пайка, определенный правилами 1877 г., был почти таким же, что и по закону 25 июня 1912 г., которым в него добавлялся лишь 1 фунт постного масла. Стоимость пайка во время русско-японской войны колебалась от 1 руб. 20 коп. до 4 руб. на человека. Помощь далеко не всегда оказывалась своевременно, а произвол в разрешении вопроса о степени нуждаемости семьи сеял раздор и смуту, возбуждал ропот и недовольство в народе, выливавшиеся в преддверии революции в «бабьи бунты» – разгром солдатками волостных правлений, земских и городских управ. Кроме того, из-за невежества массы населения нуждающиеся зачастую не обращались за помощью, не умея воспользоваться предоставленными им законом правами.

Первоначально законопроект о призрении нижних воинских чинов и их семейств, который впоследствии называли «единственным важным законопроектом, возникшим по инициативе Думы» (Дашкевич 1915: 80), предусматри-

вал выдачу пайков только нуждающимся. Однако при его обсуждении в III Государственной думе 32 депутата-крестьянина предложили распространить призрение на все семьи, независимо от их нуждаемости, мотивируя это затруднительностью отделения нуждающихся от не нуждающихся и неудовлетворительностью разрешения этого вопроса во время русско-японской войны. Поправке не придали большого значения. Обсуждение законопроекта происходило в порядке думской законодательной «вермишели» и длилось недолго. Внимание Думы было поглощено борьбой с Государственным советом по вопросу о пенсионном обеспечении нижних чинов и их семейств.

В противовес Государственному совету, указывавшему на то, что закон обратной силы не имеет, Дума настаивала на распространении действия нового закона, по крайней мере на участников русско-японской войны и персидской экспедиции, без чего этот закон имел бы «теоретический, платонический характер». Докладчик от согласительной комиссии лидер фракции октябристов А.И.Гучков назвал новый закон «актом справедливым и актом мудрым», который «явится, действительно, громадным и серьезным улучшением в деле обеспечения нижних чинов, пострадавших на войне и во время службы, а также их семей». Поскольку финансовое положение России в то время выглядело «совершенно исключительно блестяще», ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что «такие небольшие расходы в несколько миллионов» по силам Государственному казначейству (ГД 1912: 4224–4225).

После недолгих прений законопроект, устанавливавший двойкий подход к «призреваемым»: безусловное призрение для жен и детей и условное – для других ближайших родственников, – был одобрен Думой, а затем и Государственным советом. Недальновидность думцев и сановников дорого обошлась казне. «Страховой закон» был принят, и «уравниловка» в отношении жен и детей нижних чинов восторжествовала. Гарантированное государством призрение в виде пайка рассматривалось как страхование населения на случай войны подобно страхованию от стихийных бедствий – наводнения, землетрясения, пожара и

пр. Уже сам факт признания законом 25 июня 1912 г. обязанностей государства перед защитниками Отечества и их семьями расценивался в общественных кругах как отрядный признак правового прогресса.

Этим законом дело призрения семейств нижних воинских чинов возлагалось в сельской местности на избираемые для этой цели волостные (гминные, станичные, в Закавказье – сельские) попечительства или же при их отсутствии – на волостных старшин (гминных войтов, станичных атаманов, сельских старшин), а в городах – на городские управы (при упрощенном управлении – на городских старост), особые исполнительные комиссии, если городские думы признавали их избрание необходимым, или особые городские попечительства. Ко времени принятия закона в ряде городов уже действовали участковые попечительства о бедных. В тех городах, где существовали градоначальства или население которых превышало 75 тыс. жителей, предписывалось по объявлении войны учреждать особые присутствия по призрению семейств нижних воинских чинов.

Волостное попечительство в составе не менее трех человек избиралось волостным сходом из местных жителей обоего пола не моложе 25 лет, по суду не опороченных и не состоящих под судом и следствием. Они выполняли свои обязанности безвозмездно под контролем земского участкового начальника, через которого собранные ими сведения о составе семейств призванных представлялись на рассмотрение уездного съезда (городские попечительства представляли эти сведения в городскую управу). Уездный съезд или соответствующее ему учреждение окончательно определял размеры пособия каждой семье. Далее эти сведения передавались губернскому (областному) присутствию, которое сообщало казенной палате о размере необходимого кредита. Затем общие данные о числе призреваемых семейств и потребной на это сумме поступали к губернатору или начальнику области, который представлял их министру внутренних дел для испрошения соответствующего кредита.

Когда пришло время применить закон 25 июня 1912 г.

на практике, основные заботы по призрению семейств призванных на действительную военную службу легли на местное самоуправление. Другой силы, которая могла бы быстро и эффективно справиться с этой задачей, не нашлось. В земских губерниях предводители дворянства, духовенство и многочисленные чиновники – воинские начальники, податные инспектора, члены землеустроительных комиссий, уездные исправники, начальники полиции и пр. играли вспомогательную роль в организации призрения. По общему признанию, дело призрения семей воинов в неземских губерниях было поставлено значительно хуже, обследования проводились формально, выдача пайков хронически задерживалась, помощь оказывалась от случая к случаю.

Созванная на один день в связи с началом войны Государственная дума продемонстрировала на своем экстренном заседании 26 июля патриотическое воодушевление и единодушие, какого еще не видели стены Таврического дворца. Председатель Государственной думы М.В.Родзянко в своей речи, ежеминутно прерываемой бурными рукоплесканиями и возгласами «браво» и «ура», заявил: «Мы, остающиеся дома, приемлем долг работать, не покладая рук, в деле обеспечения оставшихся без своих кормильцев семей и пусть там, в армии нашей, знают, что не на словах только, но и на деле мы не допустим их до острой нужды». По предложению С.И.Шидловского была принята следующая формула перехода к очередным делам: «Государственная дума выражает пожелание, чтобы в дополнение к предусмотренным законом 25 июня 1912 г. мерам были привлечены к призрению семей воинов земские и городские учреждения и общественные силы, в тесном единении с административными органами» (Историческая сессия 1914: 2–3).

Правительство не замедлило откликнуться на призыв Думы. Указом 29 августа 1914 г. представители земского и городского самоуправления «в качестве общественного элемента» были введены в состав губернских присутствий при рассмотрении ими дел по призрению семейств воинов, а также в состав открывающихся уездных и городских

попечительств, которым были переданы контрольные функции уездных съездов и особых присутствий по призрению семейств нижних воинских чинов в тех губерниях, где действовало Положение о земских учреждениях. Ведение дела призрения было поручено городским и уездным земским управам, а уездным земским собраниям предоставлялось право избирать особых уполномоченных для контроля за волостными попечительствами (СУ 1914. Ст.2345).

Либералы, многие годы добивавшиеся преобразования земства на демократических началах во всеобщее, расценивали выборные волостные попечительства как «суррогат мелкой земской единицы с специальным назначением» (Гронский 1914: 2). От работы этих низовых ячеек на местах в большой мере зависела индивидуализация помощи, правильность и своевременность выдачи пайков. Из-за того что реформа земства затянулась и мелкая земская единица в виде всеобщей волости так и не была создана, волостные попечительства явились продуктом некоего юридического казуса. Волостному сходу впервые было предоставлено право избирать лиц всех сословий и даже женщин, которые должны были добровольно и безвозмездно выполнять попечительские обязанности, т.е. крестьяне получили право избирать всеобщее по своему составу и обязанностям «учреждение». «Волостные попечительства, по замыслу законодателя, должны были являться надстройкой на фундаменте уже созданной мелкой земской единицы. Этого фундамента, однако, нет – надстройка висит в воздухе» – в пользу безотлагательного реформирования земства добавился еще один аргумент (Огановский 1914а: 102).*

* Вопрос о волостном земстве считался одним из важнейших в деле организации призрения и неоднократно поднимался на заседаниях Государственной думы. Например, на заседании 15 февраля 1916 г. А.И.Шингарев утверждал: «Без волостного земства, без мелкой земской единицы никакими попечительствами правильно поставить дело призрения и помощи семьям нижних чинов нельзя. Это вопиющая государственная нужда, которая должна быть обслужена организацией мелкой волости, земства мелкого, которое близко к населению, тогда все заботы будут планомерны и будет уничтожен тот ненормальный порядок, когда заваленный административными делами писарь, ведающий сотню дел, не может справиться с этим делом» (ГД 1916: 1601). Волостное земское управление было введено Временным правительством 21 мая 1917 г., но чуда не произошло – время было упущено.

По закону волостным попечительствам в течение двух недель со дня объявления мобилизации полагалось провести обследование семей призванных и представить сведения в уездный съезд. Начало войны совпало со страдной порой в деревне. Крестьянам было не до выборов – они были заняты уборкой урожая, проводами новобранцев, поставками лошадей, повозок и упряжи в армию. Выборы проводились в спешке или не проводились вообще. Неискушенные в «политике» крестьяне не воспользовались своим избирательным правом или отнеслись к выборам как к пустой формальности. В результате призвание семей призванных, как и прежде, оказалось в руках сельских старост, волостных старшин, писарей, десятских, сотских и т.д. Дело осложнялось тем, что земские начальники в отличие от других уездных чиновников подлежали призыву в войска. Земский начальник, в ведении которого оказывалось по 2–4 участка, не в состоянии был справиться со своими обязанностями, и крестьяне лишились своих ближайших руководителей.

Число членов волостных попечительств колебалось от 3 до 20 человек и, как утверждал министр внутренних дел Н.А.Маклаков, в их работе «приняли деятельное участие местные общественные силы – жены предводителей дворянства, помещики, священники, диаконы, сельские учителя, учительницы, волостные старшины, сельские старосты и крестьяне» (Известия 1915. № 6: 49). Однако либеральная печать обвиняла Министерство внутренних дел в том, что оно, «не сочувствуя расширению полномочий волостных сходов, не знакомило крестьян с этими полномочиями» и выборы прошли «под влиянием местной администрации» (Дашкевич 1915: 82; Огановский 1914а: 101, и др.). «Волостей, где бы в попечители попали представители других сословий, особенно из местной интеллигенции, наберется, вероятно, не более одного-двух процентов», – прикидывал знаток сельской жизни (Огановский 1914а: 101). По-видимому причина была также в том, что недоставало «местной интеллигенции» и она, как и сами крестьяне, не предвидела заранее важности волостных попечительств. Крестьяне предпочли идти по торной дорожке,

выбирая свое, крестьянское «начальство» и не делая различий между господами – все едино «баре».

Уездные попечительства, обязанные осуществлять контроль за волостными, представляли собой многолюдные собрания числом от 50 до 200 и более членов, каждый из которых, помимо попечительских, имел другие обязанности и был занят своим делом. «В них были смешаны в одну кучу решительно все уездные чиновники всех ведомств (не забыто было и духовное ведомство) со всеми общественными деятелями», – писал один из земцев. По его наблюдению, основной костяк уездного попечительства составляли от 14 до 30 человек в зависимости от количества участков земских начальников (3–15) и числа членов земской управы (2–6) в уезде (Дашкевич 1915: 84). Многочисленность попечителей, большинству которых было недосуг входить в рассмотрение жалоб своих подопечных и вникать в их нужды, только осложняла ведение дела. Как говорится, у семи нянек дитя было без глазу. Тем не менее уже сам факт привлечения правительством органов самоуправления к этой работе обнадеживал: «Все-таки признают, что земство лучше, что где большое серьезное дело, там оно не по плечу учреждениям устаревшего образца» (А.И. 1914).

Не осталась в стороне от дела призрения и православная церковь. Во исполнение определения Святейшего Синода от 20 июля 1914 г. создавались приходские попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках. За дело взялись приходские попечительства при православных церквях, уже полвека учреждавшиеся в России на основании Положения 2 августа 1864 г. (ПСЗ II 1864. № 41144). В каждом приходе были заведены списки солдатских семей, выяснялись их нужды, собирались пожертвования. Синод призвал пастырей дружно работать с волостными попечительствами и другими учреждениями, ведающими призрением и благотворительностью, руководствуясь в своих трудах не юридическими нормами, а христианским милосердием. По сведениям за август – сентябрь, доставленным в Синод к 11 ноября 1914 г. по 33 из 65 епархий, было открыто 12 130 попечительных советов, которые оказали пособия 99 884 семействам на сумму 280 687 руб., в том

числе 259 016 руб. составляли пожертвования и 21 671 руб. – средства церквей (Известия 1915. № 3: 38–41).*

В городах церковные попечительства не могли составить «конкуренцию» светским, и их значение признавалось весьма проблематичным. Зато в деревне священник был на виду. Он, как никто другой, был осведомлен о «движении населения» – рождаемости, брачности, смертности, и его работа была шире, ответственнее и важнее. «Организация труда “бабы” под церковным флагом, вообще бабья помощь возможна только около храма». – утверждал один из священников. Вместе с тем он весьма критически оценивал постановку дела помощи в православной церкви. «Нужно сознаться: у нас есть энергичная, успешная благотворительная работа, но церковной помощи у нас нет. – Организации помощи как Христовой милостыни не создано, и это вина духовенства. – О церковном экстазе сбора, об обязательной воскресной копеечке ап. Павла нет и помин» (Священник 1914).

5 мая 1915 г. на заседании Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, который был учрежден под председательством императрицы Александры Федоровны именным высочайшим указом 11 августа 1914 г., обсуждался проект генерала от инфантерии Н.Н.Белявского о передаче функций волостных попечительств по призрению семей запасных и ополченцев, сводившихся главным образом к обследованию семей и раздаче пайка, приходским попечительствам. По здравом рассуждении проект был отклонен. Непреодолимыми препятствиями для его осуществления являлись сложность отчетности и занятость священников богослужебными делами. При отсутствии у них помощников из-за недостатка «интеллигентного элемента» в приходах и почти поголовной безграмотности сельских старост новые обязанности стали для духовенства тяжким бременем. Помимо того, было принято во внимание неудобство сосредоточения дела призрения в инославной и иноверной приходской организации при наличии хотя бы незначительного числа православных местных жителей.

* О деятельности православной церкви и, в частности, приходских попечительных советов в 1914 г. см.: Известия 1915. № 4. С.133–163.

Как заявил представитель Министерства внутренних дел, «от переложения обязанностей волостных попечительств на попечительства приходские, не проявившие до сих пор особой жизнеспособности, едва ли можно ожидать какой-либо пользы», тем более, что «дело призрения семей призванных на войну нижних чинов запаса и ополчения вполне налажено и идет в общем успешно. Поэтому коренная, в самый разгар войны, ломка существующего порядка заведывания этим делом в сельских местностях явилась бы мерою недостаточно оправдываемою действительными потребностями населения и, во всяком случае, крайне рискованною по своим практическим последствиям, а потому и недопустимою с точки зрения государственной пользы» (Известия 1915. № 6: 85–89).

Попечительства имелись лишь в половине православных приходов. Для учреждения их «велеием закона», по мнению епархиального начальства, не представлялось «ни удобств, ни возможностей». В ведомстве православного исповедания уже давно разрабатывался проект коренного преобразования прихода и в связи с этим переустройства всех приходских организаций, которые признавались «не вполне успешно справляющимися с теми сравнительно скромными задачами, в рамках коих действующий закон замыкает круг их деятельности» (Там же: 88–89). «В большинстве случаев ввиду упадка приходской жизни это были лишь учреждения на бумаге; кроме того, они не имели материальных средств, и на две организации, действующие параллельно и отдельно, не хватало в деревне и личных сил», – отзывался о приходских попечительствах современник (Дашкевич 1915: 84). Православная церковь, как и вся русская жизнь, нуждалась в преобразовании.

Наладить призрение миллионов солдатских семей при крайне неравномерном рассредоточении населения на огромных пространствах Российской империи и никуда не годных дорогах было делом нелегким. Сложность поставленной задачи подчеркивал Маклаков: «Не следует вообще упускать из виду, что осуществление такой меры, как выдача продовольственного пособия всем семьям воинов, сопряжена вследствие обширности Империи с особыми

затруднениями; о них в других европейских государствах не имеют представления. Так, Енисейская губерния занимает пространство в 2 614 200 кв. километров и превышает общую площадь всех великих держав западной Европы: Якутская область более, чем в 6 раз Германии и в 32 раза – Сербии; Енисейская более пяти вместе взятых Австро-Венгрии, Германии, Испании, Италии и Франции; Томская больше каждого из названных государств в отдельности; Архангельская губерния обширнее общей территории Италии и Франции, взятых вместе, и более чем в 28 раз превышает площадь Бельгии. При такой обширности площадей отдельных губерний осуществление продовольственной помощи настолько усложняется, что совершенно превышает силы местной администрации и неизбежно сопряжено с промедлениями и отдельными случаями упущений, крайне незначительное число копек может только подтвердить, насколько успешно идет раздача пайка» (Известия 1915. № 6: 51).

На самом деле с призерением солдатских семей не все обстояло благополучно. Кроме организационных неурядиц, сразу же после начала войны обнаружили существенные недостатки закона 25 июня 1912 г. Нарекания вызывали скудные размеры пайка. Законом не предусматривалось квартирное пособие с отоплением, что было особенно важно для горожан. В их памяти еще свежи были события русско-японской войны, во время которой выплачивалось квартирное довольствие, – тогда на оплату жилья с отоплением главным образом для солдатских семей, проживающих в городах, было израсходовано 3 464 721 руб. 50 коп. Встал вопрос о расширении прав на паек для гражданских жен солдат, их внебрачных и приемных детей, родственников-иждивенцев.

Большие затруднения в первые месяцы войны вызывало назначение пайка семействам, чьи кормильцы ушли на заработки и были призваны на военную службу вне района их постоянного проживания. В ряде губерний отходничество было чрезвычайно распространено, особенно в период сезонных работ. Например, как сообщал тверской губернатор Н.Г.фон Бюнтинг, только по одной Страсше-

кой волости Старицкого уезда Тверской губернии из общего числа 430 призванных нижних чинов и ратников ополчения 240 были призваны в Петрограде (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.291. Л.38). Запросы попечительств и уездных съездов об официальном подтверждении времени и места призыва оставались без ответа из-за большой занятости воинских начальников, а потому задерживалось и назначение пайков. Военное министерство по соглашению с Министерством внутренних дел обязало 24 октября 1914 г. воинских начальников «без всякого промедления сообщать по телеграфу запрашиваемые у них попечительствами и съездами сведения».

На солдатские семьи в первую очередь было обращено внимание правительства, благотворительных обществ, земского и городского самоуправления. «До сих пор ни в одну войну государство не проявляло такой заботливости о призрении жертв войны. Закон о пенсиях и о казенном пособии – «пайке» для семейств является актом великого благодеяния, оценить которое можно лишь теперь, когда не десятки и сотни тысяч, а миллионы призваны под знамена. При таком массовом отливе кормильцев ни деревня, ни город без поддержки государства не могли бы справиться с бедой и множеству пришлось бы идти по миру. Находясь в непрерывном общении с семействами призванных на службу, с грустью надо удостоверить голую их необеспеченность. По современному своему материальному положению они несколько не отличаются от той беспросветной бедноты, которую обслуживают городские попечительства в мирное время», – свидетельствовал председатель Петроградской городской комиссии по благотворительности В.С.Кривенко. Многие солдатки ютились в грязных углах и едва сводили концы концами. В подавляющем большинстве они были неграмотны и не могли даже подписать раздаточные ведомости. Паск был для них благодеянием, и немудрено, что солдатки относились к нему «с некоторым благоговением» (Кривенко 1914: 13). Ко всему прочему, из казенного продовольственного пособия запрещалось удерживать какие-либо сборы, взыскания и недоимки как государственные и общественные, так и частные.

В дополнение к пайку изыскивались возможности для других видов государственной помощи и пособий семьям солдат, матросов и казаков на благотворительной основе. Им бесплатно или по льготному тарифу предоставлялся проезд по железной дороге в вагонах III и IV класса, на выгодных условиях выдавались ссуды, устанавливались податные льготы (отсрочки и сложение платежей), давались преимущества при распределении переселенческих участков в Сибири, аренде и покупке казенных земель. Семьям запасных и ратников ополчения «всем миром» оказывалась «помощь» в уборке урожая, молотье, посеве озимых и других сельскохозяйственных работах, бесплатно предоставлялись семена и прокат инвентаря (молотилок, сеялок, веялок и т.п.), беднейшим семьям безвозмездно отпускался из казенных лесных дач валежник на топливо, а более состоятельным дрова продавались по заготовительной цене. Их дети бесплатно обучались в государственных учебных заведениях, а малолетние помещались в приюты, очаги и ясли. Семействам призванных на действительную военную службу вольнонаемных мастеровых, рабочих и низших служащих казенных заводов, фабрик, мастерских и т. п. заведений выплачивались постоянные пособия в размере половины, трети или четверти заработка их кормильцев в зависимости от состава семьи. За семействами призванных на войну вольнонаемных служащих центральных и местных установлений полностью или частично сохранялись оклады их содержания, но, правда, тогда они лишались права на пайк (СУ 1914. Ст.2282).

Были приняты меры по оказанию солдатским семьям продовольственной, квартирной, денежной, вещевой, трудовой, агрономической и юридической помощи. Расширялись и преобразовывались существующие благотворительные заведения и устраивались новые – дешевые и бесплатные столовые, общежития, дневные убежища, бюро труда для приискания мест, патронаты, открывались швейные, вязальные, обувные мастерские, прачечные, организовывались трудовые артели. При распределении заказов на изготовление кустарных изделий – полушубков, валенок, теплого белья и пр. возможность

заработка прежде всего предоставлялась солдаткам. Повсеместно производились отчисления из жалованья служащих и сборы пожертвований на помощь семьям защитников Отечества, устраивались благотворительные базары и лотереи, спектакли и концерты.

Перед русской интеллигенцией внезапно открылось обширное поле деятельности. Газеты, захлебываясь, писали о небывалом общественном подъеме. Профессора, врачи, адвокаты, инженеры, литераторы, педагоги, студенты, курсистки, учащая молодежь устремились на помощь ближнему. В благотворительных организациях наблюдался огромный прилив общественных работников-добровольцев. Новички потеснили сердобольных дам-благотворительниц и вдохнули новую жизнь в вялую и монотонную работу благотворительных учреждений. Если прежде общественные деятели на этом поприще бились в тисках административной опеки, испытывая постоянный недостаток средств, то теперь привычная картина изменилась коренным образом. Ослабление бюрократического контроля, щедрые пожертвования, крупные ассигнования государства и местного самоуправления дали простор для проявления гражданской инициативы и раскрытия потенциала русской общественности. «Перед нами большое общественное явление: масса людей отдают общественной работе столько своей энергии и времени, сколько никогда, может быть, не отдавали...», – замечал современник (Оранский I 1914).

Изменился сам ритм русской жизни, преобразился даже облик городов и особенно столиц. Они «европеизировались» – стали оживленнее и красочнее, а главное – приобрели «непринужденность уличного выражения общественной жизни». Прямо на улицах устраивались импровизированные театрализованные представления и многочисленные благотворительные сборы, звучала музыка, разъезжали разукрашенные автомобили. Повсюду были расклеены разнообразные плакаты. «Слово “Граждане!” своими большими буквами глядит на вас со всех сторон», – писал современник (Там же).

Благодаря кипучей энергии и самоотверженной работе нового пополнения «общественников» в самое короткое время была проделана громадная работа, рушились обвет-

шавшие формы благотворительной помощи, вводились смелые начинания, совершался переход от эпизодической и стихийной благотворительной помощи отдельным лицам к планомерной и всесторонней помощи нуждающемуся населению под строгим общественным контролем. Среди множества организаций социальной помощи особое место занимали участковые попечительства о бедных, ставшие признанными центрами оказания помощи солдатским семьям в городах. Через посредство участковых попечительств, которые считались «зачатками будущих мелких муниципальных единиц» (Дашкевич 1915: 87), выдавались казенные пайки, проводились обследования материального положения семей, оказывалась дополнительная поддержка наиболее нуждающимся. «Из захудалых и глухих ячеек неширокой и случайной филантропии они ныне превращаются в живые пункты чисто общественной работы», – свидетельствовал очевидец, поспешивший провозгласить победу «общественности» над «благотворительностью» (Оранский II 1914). По типу городских участковых попечительств организовывались земские участковые попечительства в Московской, Петроградской, Таврической, Подольской губерниях. У всех попечительств цель была одна, но принципы организации разные. Городские и земские участковые попечительства, особенно в столицах и их пригородах, были более деятельными и демократичными по составу.

Число нуждающихся стремительно росло, и требовались свежие силы для организации социальной помощи. В печати звучали напоминания «о том, что никто уже не вправе бездействовать, ибо приходит время новых призывов не только в ряды войск, но и в ряды общественных работников, отстаивающих страну от материального и культурного разорения» (Гуревич 1914: 3). У готовой к самопожертвованию русской интеллигенции не доставало сил, чтобы справиться с обрушившимися на народ невзгодами. «Тут нужны широкие демократические организации, нужна самодеятельность самих масс, на основе самопомощи. Глубокие слои городского рабочего населения пока, однако, почти не проявляют в этом направлении инициа-

тивы и энергии», – сетовал публицист (Оранский II 1914). Спустя пару лет, когда дремлющие «массы» пробудились, их «самодеятельность» приобрела угрожающий характер, но обратно в бутылку джинна было уже не загнать.

В отличие от интеллигенции в народе не наблюдалось патриотического подъема. Если у интеллигенции забрезжила надежда на освобождение от бюрократических пут и переустройство общественной жизни, народу война не сулила ничего, кроме горя. Причины войны были непонятны. Мужики недоумевали: что нужно немцу в России и что это у него за «сропаны» такие. Как вспоминал член Государственного совета В.И.Гурко, война не была популярна и «вызывала молчаливое, глухое, покорное, но все же недовольство. В значительной степени примирила с ней начавшаяся приблизительно месяц спустя раздача пособий семьям призванных запасных. Дело это было поставлено весьма широко, но отнюдь не правильно» (Гурко 2000: 644).

Постоянной критике подвергалась громоздкость организации призрения и отсутствие связи между разнообразными учреждениями социальной помощи, которые быстро множились в стране. «Но так как все эти учреждения действуют несогласованно, через разных местных агентов – полицию, земских начальников, волостные правления, чиновников и частных лиц, то дело помощи народу не может планомерно и широко развиваться, оно имеет характер случайных подачек, причем не всегда их получают нуждающиеся, одни добиваются пособий от двух источников, другие не получают ни от одного», – писал пессимистически настроенный критик (Дашкевич 1915: 87).

Двоякий подход к призрению семей нижних чинов внес путаницу при разрешении вопроса о пайках. Недоразумения начались с первых дней войны. Как и следовало ожидать, наибольшие трудности возникали при определении трудоспособности и имущественного достатка членов семьи. Из-за отсутствия точных инструкций и невозможности составить таковые для огромной страны с разнообразными экономическими условиями каждое попечительство подходило к назначению пайков со своей меркой. «В

результате получился крайний разноречивый: в смежных уездах сплошь и рядом устанавливались совершенно различные способы определения назначаемых пособий». При этом, как свидетельствовал Гурко, «одни относились очень строго, всемерно стремясь щадить государственные, иначе говоря, те же народные, средства, другие, наоборот, выдавали эти пособия с необыкновенной щедростью. Были случаи, и неоднократные, назначения семье запасного, особенно многочисленной, по 30 и до 45 руб. в месяц, т.е. суммы, которую сам призванный, безусловно, не зарабатывал. В подобных семьях бабы обычно отнюдь не горевали об уходе на войну своих мужей» (Гурко 2000: 644–645).

В особом журнале Совета министров от 19 августа 1914 г., опубликованном 2 сентября (Правительственный вестник 1914), говорилось: «Поступающие с мест сведения указывают, к сожалению, что применение закона 25-го июня 1912 года принимает в некоторых случаях совершенно неправильный и нежелательный характер. Волостные попечительства излишне широко толкуют понятие о лицах, содержимых трудом призванного нижнего чина. Вследствие сего в списки членов семьи, имеющих право на казенное пособие, нередко включаются, в противность истинной цели закона, лица трудоспособные, кои вовсе не содержались трудом призванного на военную службу. Известны случаи, когда за одного призванного на военную службу семье его назначалось из казенных средств пособие (до 30 руб. в месяц), превышавшее значительно сумму, которую он не только когда-либо давал своим близким, но и сам зарабатывал. Таким образом, создается недопустимое положение, при котором бедствия войны служат для некоторых источником наживы».

Совет министров предписал всем главным начальникам ведомств, участвующих в деле призрения семейств нижних воинских чинов, «преподать на места указания о необходимости крайней бережливости и осторожности в распределении пособий, дабы оградить казну от неоправдываемых действительною надобностью издержек. Всякий нуждающийся должен быть удовлетворен пропитанием, но могущий обойтись без помощи пусть не обременяет

собою казну». Далее Совет министров выражал надежду, что совместными усилиями административных органов и общественных деятелей все «уклонения» от закона будут устранены и заявлял: «В этих трудных условиях всенародной военной страды каждая казенная копейка на счету, и патриотический долг повелевает не за страх, а за совесть блюсти, чтобы она шла по своему прямому назначению».

Это наставление Совета министров внесло еще большую сумятицу в работу местной администрации и попечительств. Губернаторы осаждали Министерство внутренних дел с просьбами о руководящих указаниях и разъяснениях. Недоумение вызывал уравнительный подход к задаче пайков всем женам и детям призванных. Как сообщал полтавский губернатор А.К.Багговут, «между тем нередко такие семьи вполне обеспечены материально и в пособии не нуждаются». Исправляющий должность саратовского губернатора князь А.А.Ширинский-Шихматов распорядился «исключить из списков явно зажиточных». Не выдавать пайки «семьям, которые по своему имущественному положению не могут быть отнесены к числу несостоятельных и, следовательно, требующих призрения на счет казны», предписал ковенский губернатор Н.Д.Грязев. Ковенское губернское присутствие полагало, что оставленное призванным на военную службу хозяйство на 10 десятинах в большинстве случаев обеспечивает его семью и «не может вызвать нужды в продовольствии» (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.286. Л.1, 4, 12–12 об., 14).

Член Государственной думы по Уральскому казачьему войску (от войскового населения) Ф.А.Еремин 14 октября 1914 г. телеграфировал из Уральска министру внутренних дел: «Нарушая предписание закона призывать семьи воинских чинов независимо от имущественного положения, местное начальство распорядилось отказывать в пособии лицам состоятельным. На этой почве происходит много пререканий и злоупотреблений, могущих смутить дух доблестных воинов. Благоволите восстановить силу закона, умиротворить идущую по станицам распрю» (Там же: Л.6). Ответ был послан немедленно, и законность в Уральске была восстановлена.

Холмский губернатор Б.Д.Кашкаров 1 ноября извещал министерство, что «пособия назначаются только тем семьям, которые по обследовании были признаны нуждающимися в пособиях от казны на пропитание». Вместе с тем он сообщал о жалобах нижних чинов и их жен, оставшихся без пайка, которые, в частности, ссылались на распространяемый среди населения листок «Помощь солдатским семьям», выпущенный Комитетом народных изданий и напечатанный в типографии «Сельского вестника» в Петрограде. В листке простым и понятным языком излагались права солдаток и говорилось: «Все русские люди живут теперь двумя главными заботами: что делается на войне и как налаживается помощь семьям воинов» (Там же: Л.18–18 об., 19–20 об.).*

Управляющий Волынской губернией Я.Г.Гололобов докладывал министру 14 декабря: «1) проверкой деятельности учреждений, заведывающих делом призрения по закону 25 июня 1912 г., произведенной членами Крестьянского присутствия на местах, установлено, что большинством волостных попечительств не включались состоятельные семейства призванных в списки обследований, и крестьяне усвоили себе тот взгляд, что продовольственная помощь должна оказываться лишь нуждающимся семействам; 2) жалоб жен более зажиточных запасных на отказ в выдаче пособия или невключение членов их семей

* Комитет народных изданий состоял под председательством начальника Главного управления по делам печати. Листок «Помощь солдатским семьям» по крайней мере дважды издавался Министерством внутренних дел, каждый раз тиражом 1 млн. экземпляров. Делопроизводством Верховного совета были подготовлены два справочных издания – «Наставление семьям лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов» и «Записка о правах раненых офицеров и нижних чинов на денежное и вещевое довольствие с указанием на пенсионные их права и обеспечение их семей», которые были напечатаны на средства Верховного совета в виде бесплатного приложения к «Сельскому вестнику», расхвачившемуся по волостным правлениям и воинским частям в количестве 43 тыс. экземпляров, и к «Церковным ведомостям», издававшимся тиражом 37 тыс. экземпляров. Верховный совет счел также необходимым разослать их губернаторам, в Елизаветинский и Ольгинский комитеты, Земскому и Городскому союзам, в Управление Российского общества Красного Креста, в Военное и Морское министерства (Известия 1915. № 5: 14–18; № 6: 40–43, 53). Появление множества листов, статей, брошюр и т.п. «общепользовных изданий» немало способствовало уяснению солдатами и их семьями своих прав.

в списки поступает очень мало, и в большинстве случаев такое невключение в списки и отказ в пособии признается вполне справедливым; 3) выдача продовольственного пособия состоятельным семьям призванных наравне с нуждающимися семьями вызывает недовольство последних, а на общую массу населения такая выдача влияет развращающим образом». Волынским губернским присутствием по крестьянским делам отмечалось, что на сходах крестьяне сами высказывали «пожелание, чтоб включали в списки действительно нуждающихся» (Там же: Л.26–26 об., 27 об.).

Ломжинский губернатор С.П.Папудогло сообщал 27 декабря 1914 г., что в губернии 508 семей призванных ежемесячно получают казенный продовольственный паек в размере более 20 руб. на семью и просил указаний сохранять ли его для всех или выдавать только тем, кто не может существовать без посторонней поддержки. Исправляющий должность начальника Закаспийской области полковник Н.К.Калмаков просил из далекого Асхабада 30 марта 1915 г. разъяснить «подлежат ли призрению и удовлетворению продовольственным пайком семьи лиц состоятельных классов, как то: имеющих свои дома и дачи, приносящие им доход, или другой какой-либо обеспечивающий их капитал» (Там же: Л.30–30 об., 34). На все запросы такого рода ответ был один: имущественная обеспеченность и личная трудоспособность не принимаются во внимание при назначении пайков женам и детям призванных. Каков бы ни был закон, его надо было выполнять.

В сущности, действующий закон был не так уж плох. Если бы был установлен единообразный, «уравнительный» подход ко всем «призываемым», правительство справедливо обвинили в формализме и игнорировании степени нуждаемости семьи, как это было в отношении солдаток. Ну, а если бы в каждом отдельном случае пособие назначалось в зависимости от материального положения семьи, как это предусматривалось для родителей и других близких родственников солдат, обиды и жалобы на произвол попечителей и местных властей могли вылиться в волнения, чреватые «потрясением основ». У государства и

общественности не доставало сил, чтобы повсеместно наладить правильную организацию призрения, а у казны не было средств, чтобы в равной мере удовлетворить всех нуждающихся. Как видно, простого решения этой проблемы в сложившейся обстановке было не найти.

В результате действий государства и общественности солдатские семьи оказались в лучшем положении, чем многие их соотечественники, терпящие нужду и лишения. По наблюдению делопроизводителя Особого Петроградского присутствия по разбору и призрению нищих К.И. Ануфриева, немало солдатских семей «стали получать несравненно больше, чем зарабатывали призванные на военную службу их кормильцы, стали жить так, как никогда не живали раньше» (Ануфриев 1915: 389). Крестьянки обзавелись зонтиками, калошами, одеколоном и т.п. «предметами роскоши». Раздача пособий всем солдаткам, невзирая на их материальное положение, приводила к тому, что в отдельных случаях за пособием стали являться разодетые в манто и боа дамы-солдатки – помещицы и домовладелицы (Гогель 1915: 4). К пособиям прибегали и вполне трудоспособные родственники солдат.

Разумеется, ежемесячный паек в несколько рублей или даже в несколько десятков рублей на семью был всего лишь своего рода гарантированным государством прожиточным минимумом, который не давал умереть с голоду или пойти «в кусочки» и никак не мог стать основой благосостояния, а тем более «источником наживы». Условия городской и сельской жизни сильно различались. Для сельской бедноты паек был большим подспорьем. В деревнях у крестьян была какая ни на есть, но своя изба, земляца, огород, дровишки или хотя бы солома на топливо, домотканная одежда и белье. В городах, особенно столичных, возможностей для заработка было больше, но и расходы были значительно выше. «Трехрублевый и полуторарублевый паек для деревни есть нечто, а в столице – ничто», – писал заместитель председателя Петроградской городской думы, ученый и публицист В.Д. Кузьмин-Караваев (1914: 378).

Хотя в Петрограде на паек было не прожить, солдатки, приехавшие в столицу в поисках заработка, дорожили

питерским пайком и не спешили возвращаться домой, так как не доверяли волостным попечительствам. «У многих женщин твердо угнездилось убеждение, что в деревне “не получишь”, “не дадут”, “откусят”» (Кривенко 1914: 14). В печати время от времени появлялись душераздирающие сообщения о голодной смерти оставленных солдатами родных, о злоупотреблениях при выдаче пайка в провинции. Например, во Владимирской губернии волостной старшина обложил пайки «налогом»: с 30 руб. – 10 коп., с 15 руб. – 5 коп., с 8 руб. – 3 коп. Солдаток обсчитывали, стращали «подарестом» и лишением «пенсии». Местные власти проводили дознание, порой дело доходило до министра, «незаконмерные действия» старшин пресекались, но гораздо чаще следовали опровержения – факты, мол, не подтвердились (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.291; Шпак 1915, и др.). Тем временем жалобы солдаток не прекращались. В результате проверки только 5% жалоб были признаны основательными (Известия 1915. № 6: 53). По-видимому, такой низкий процент объяснялся правовой неграмотностью населения, несовершенством законодательства, отсутствием «улик» и, конечно, нежеланием правительственной администрации признать упущения в своей работе.

В первые же месяцы войны печать единодушно отмечала повышение покупательной способности населения, его возросший, «как по мановению волшебного жезла», достаток и появившиеся «признаки явного благополучия» (Трезвая деревня 1914; Пономарев 1914; Нищенство 1914; Кузьмин-Караваев 1915а: 383–384, и др.). Паяк наряду с другими видами государственной и общественной помощи являлся лишь одной из составляющих этого процесса. Немаловажным фактором улучшения материального положения населения стал так называемый сухой закон – запрещение продажи питей по высочайшему повелению 22 августа 1914 г. (СУ 1914. Ст.2348). Как утверждал в середине 1915 г. Кузьмин-Караваев (1915б: 353), Россия «заметно обстроилась и приделась» – ущерб, нанесенный войной, «с избытком покрыт, во-первых, все тем же освобождением от дани кабаку, а, во-вторых, пайковыми выдачами старикам, женам и детям солдат».

По общему мнению, «принудительная трезвость» и осво-

бождение от «зеленого змия» способствовали росту благосостояния населения, оздоровлению и обновлению народного быта (Бехтерев 1914; Жилкин 1914: 338–342; Огановский 1914б: 10–11, 21–24, и др.). «Об этом неожиданно быстро, каком-то чудодейственным возрождении деревни идут сведения почти отовсюду, из самых глухих, самых заброшенных уголков нашей родины. – Бесчисленные корреспонденции “местных жителей”, письма самих крестьян, наконец показания деревенской интеллигенции, разбросанные в различных провинциальных газетах, единодушно рисуют какую-то невиданную до сих пор картину полного перерождения деревенского населения. Как в волшебной сказке, кажется, спустилась откуда-то добрая фея, прикоснулась к вековым ранам деревни, и оне зажили, и наступили кругом новые порядки, новые обычаи. – Некоторые корреспонденты говорят даже, что самая психика у деревенского жителя изменилась. Такой, значит, глубокий перелом в своем житейском укладе переживает крестьянин» (Друг 1914). Например, в Симбирской губернии в год пропивали до 9 млн. руб. (Пономарев 1914). Теперь у населения образовались сбережения от закрытия винных лавок. К тому же на войну ушли не только кормильцы, но и пропойцы, которые работали на казенку да на портерную.

Общие поступления вкладов в сберегательные кассы за 1914 г. увеличились по сравнению с предыдущим годом в 6,5 раз – с 13 до 84 млн. руб., причем особенно резко – в военное время. Прилив вкладов в декабре 1914 г. в 41 раз превысил их поступление за декабрь 1913 г., а за первую неделю 1915 г. вклады увеличились по сравнению с тем же временем 1914 г. в 51 раз. Эти цифры Кузьмин-Караваев назвал «феерическими», а поступавшие сбережения – «народными», так как «капиталисты денег в сберегательные кассы не помещают». Он писал: «Закрытие кабаков всех наименований оказалось мерой волшебной. Деньги стали осаждаться там, где они текли, как вода. В итоге колоссальных трат на войну вместо наживы дельцов явились народные сбережения. Труд стал приносить реальную пользу вместо минутной услады и стойкого затем отравления организма алкоголем» (Кузьмин-Караваев 1915в).

«Трезвенный» образ жизни повлек за собой снижение преступности, хулиганства, пожаров, заболеваемости населения. «Хозяйство крестьян уже теперь стало заметно улучшаться: даже у “голи перекатной” семьи сыты, обуты, одеты» (Огановский 1914б: 11). Бойко шла торговля, народ потянулся к культуре, почувствовал свою причастность к событиям, происходящим в стране и за ее пределами. «В деревне появилось горячее желание знать, что делается в мире» (Уфимский 1914). «Моральные последствия отрезвления так же, как и материальные, в конце концов приводят к одному и тому же результату: к *повышению уровня производительности народного труда*», – пришел к выводу Н.П.Огановский (1914б: 15). Мобилизация не сразу истощила силы деревни. Вследствие неплохих урожаев в 1914–1915 гг. и прекращения хлебного экспорта у крестьян скопились некоторые запасы хлеба.*

От введения сухого закона пьянство на Руси не прекратилось, хотя и поубавилось. Восторги по поводу «преобразования деревни», свершившегося «чуда наяву», «переворота в народном быту», «очищения от скверны», «новой эры в разрешении социальных проблем» были несколько преждевременными. Горькие пьяницы травились чем попало – дешевым одеколоном, политурой, киндер-бальзамом. Образовавшуюся «нишу» заняло самогоноварение. В ход пошли пиво, брага и другие зелья домашнего приготовления: «савраска» (збродивший мед) в Уфимской и соседних губерниях, «кумышка» – в Вятской, «тарасун» и «ханжи» – в Казанской, «самосидка» – в Енисейской, «арака» – на Кавказе, настойка из мухомора на Камчат-

* Внезапный и беспорядочный рост «сумасшедших» цен вызвал как в левой, так и в правой печати ожесточенную травлю промышленников, купцов, лавочников, которые не желали торговать себе в убыток. Заодно печать обрушилась с негодующей критикой на хозяйственных мужичков, придерживающих продукты, и на потребительские общества, протестовавшие против установления такс на продовольствие. «По народническому трафарету крестьян, выбившихся из нищеты, вынуждавшей их гнать на рынок последнюю скотину, клеймили “кулаками”», – верно подметил философ и публицист А.С.Изгоев (Изгоев 1915: 3). Спекуляции было достаточно, но с ней зачастую отождествляли торговлю. Характерное для русской интеллигенции и для русского правительства предъявление непомерных требований к людям, стремление заставить их жить по законам, противоречащим человеческому естеству, проявлялось даже в, казалось бы, незначительных фактах.

ке и т.д. и т.п. Но все же соблазна стало меньше. Кузьмин-Караваев и иже с ним были правы по крайней мере в том, что не будь сухого закона – львиная доля народных денег утекла бы не в сберегательные кассы, а в кабаки. Зато российский бюджет с прекращением «винополии» лишился основной статьи своего дохода и перестал быть «пьяным».

Помимо сухого закона и пайкового довольствия, большое значение для материального положения населения имели появившиеся новые возможности заработка вследствие усиления благодаря военным заказам работы промышленных предприятий и заготовки провианта и фуража для поставок в армию «по хорошим ценам», что благотворно отражалось на положении как рабочих, так и крестьян (Нищенство 1914: 2; Помощь 1914; Известия 1915. № 6: 54, и др.). Борьба с дороговизной и спекуляцией, послабления властей, отсрочки платежей, освобождение от уплаты процентов по ссудам и налоговые льготы стимулировали развитие кооперации, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, потребительских обществ и союзов. По выражению Н.П.Огановского, Россия «обсоюзилась». Специалисты отмечали успехи различных форм кооперации и появление ее новых видов. «Арендные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по покупке и пользованию сельскохозяйственными машинами начинают расти, как грибы после хорошего дождя» (Огановский 1914а: 105).

Все это вместе взятое способствовало повышению благосостояния части горожан и сельских жителей, но одновременно шел процесс разорения хозяйств, оставшихся без рабочих рук, и обнищания населения, пострадавшего от военных действий, лишившегося крова и пропитания. Война, принявшая затяжной характер, приносила доходы одним и повергала в нищету других, следствием чего стало усиление имущественного расслоения. В круговерти войны происходила не только социальная поляризация богатых и бедных, состоятельных и неимущих, но и расслоение бедняков на сытых и голодных.

На фоне беспросветной нужды массы населения, не

имевшего никаких прав на признание, неразборчивое попечение о солдатских семьях казалось вопиющей несправедливостью. Первый порыв воодушевления и готовность прийти на помощь семьям, оставшимся без ушедших на войну кормильцев, сменились глухим недовольством и раздражением по отношению к тем, кто «незаслуженно» пользовался своим правом на «признание». Общественное внимание переключилось на помощь новым жертвам войны – беженцам, беспризорным детям, инвалидам. О солдатах заговорили в иной тональности. «Если раньше это были героини дня, то потом это стали навязчивые, надоедливые попрошайки», – писала одна из попечительниц, указывая на «растлевающее влияние благотворительности как на благотворителей, так и на опекаемых» (Товарковская 1917: 95–96). Хотя их право на государственное обеспечение не оспаривалось, в либеральной печати раздавались голоса о создании «какого-то привилегированного класса пансионеров общественного признания», привыкающих жить на чужой счет (Ануфриев 1915: 390). В стране, где нищенство было повседневным и повсеместным явлением, право на обязательное признание, пусть даже в таком куцем и урезанном виде, воспринималось как привилегия.

Расход на пайки стал крайне обременительным для государства. За время русско-японской войны на пайки 2 420 000 членам солдатских семей было истрачено 66 860 000 руб., – и это притом, что пайки выдавались семьям лишь половины призванных. При выработке закона 25 июня 1912 г. Министерство внутренних дел исходило из того, что средняя стоимость пайка составит 1 руб. 50 коп на душу, а общий расход на пайки семьям каждого миллиона призванных по мобилизации – всего лишь 4 125 000 руб. в месяц. Уже в самом начале первой мировой войны стало ясно, что казне предстоят гораздо большие расходы на эти цели. При расчетах, произведенных министерством по объявлении войны, средняя стоимость пайка определялась в 1 руб. 80 коп., а расходы на выплату пайков для 8 387 500 человек исчислялись в 15 097 500 руб. в месяц. 13 августа 1914 г. Министерству внутренних дел был открыт

чрезвычайный кредит на выплату пайка по 1 декабря 1914 г. в размере 65 575 000 руб.

Однако уже в августе по поступающим в министерство сведениям выяснилось, что ежемесячный расход государства на паек составит приблизительно 30 млн. руб. По данным на сентябрь, стоимость пайка в большинстве губерний и областей колебалась между 2–3 рублями, только в некоторых местностях Енисейской губернии (в трех уездах), Уфимской (в пяти уездах) и Тобольской (в трех уездах) она была ниже 2 руб., в 108 уездах стоимость пайка составляла от 3 до 4 руб., а в 15 уездах и Петрограде превышала 4 руб. Число получателей пайка, по неполным данным, на 24 сентября достигало 7 159 420 человек в уездах (91,8%) и 640 820 человек в городах (8,2%), а всего 7 800 312 человек. За это время на пайки было израсходовано 61 120 504 руб. 24 коп. При этом для ускорения выдачи пайков перевод денег из Петрограда в казенные палаты производился по телеграфу, что потребовало от министерства дополнительных расходов. Кредит, отпущенный до декабря, был почти исчерпан к концу сентября 1914 г. Между тем число получателей пайка росло.

26 сентября Маклаков запросил для выплаты пайкового довольствия дополнительный сверхсметный кредит в 40 млн. руб. и получил его (РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.747. Л.4 об.–5 об.). 20 ноября ввиду недостаточности этой суммы министерству был отпущен аванс в 10 млн. руб. 26 ноября Маклаков вновь обратился в Совет министров с просьбой об открытии Министерству внутренних дел чрезвычайного сверхсметного кредита в размере 95 млн. руб. на выплату пайков с 1 декабря 1914 г. по 1 марта 1915 г. с зачетом в эту сумму уже отпущенного Министерством финансов аванса в 10 млн. руб. Таким образом, всего в 1914 г. Министерством внутренних дел было получено на выплату пайков 200 575 000 руб. (Там же. Л.12 об.–13 об.). К 20 февраля 1915 г. министерством было израсходовано на пайки 201 208 386 руб. 18 коп. К апрелю того же года число получателей пайка достигло 10 026 508 человек, из которых 951 876 человек (9,5%) проживали в городах (Известия 1915. № 6: 56).

Расходы на пайки возрастали с увеличением численности армии и ростом цен на продовольствие – прежде всего на муку и крупу, входившие в состав пайка. В 1916 г. эти расходы перевалили за миллиард. Однако когда Министерство внутренних дел в целях экономии государственных средств попыталось ограничить право на паек, сохранив его только за действительно нуждающимися, этому воспротивилась Государственная дума, которая на заседании 15 февраля 1916 г. категорически отвергла предложение министерства. Более того, Дума выступила с инициативой расширения круга лиц, получающих паек, за счет свойственников 1-й и 2-й степени (отчима, мачехи, пасынков, падчериц, тестя, тещи, снохи, сводных братьев и сестер солдата), боковых родственников 3-й степени (дяди, тети, племянников и племянниц), а также не усыновленных приемных детей, внебрачных жен и детей нижних чинов, если они содержались трудом призванных на военную службу (ГД 1916: 1611).

Вопрос о признании внебрачных или, как их еще называли, гражданских, нецерковных, нелегальных, незаконных семейств остро стоял с первых дней войны. Законом 12 июня 1912 г., как и ранее законом 18 мая 1911 г., признавалось право на признание семейств старообрядцев или сектантов, браки которых не были зарегистрированы, но фактически существовали и удостоверялись волостными или соответствующими им правлениями, наравне с теми, чьи браки были записаны в метрические книги. У старообрядцев насчитывался наибольший процент незаконнорожденных детей. Если верить официальной статистике, а другими данными мы не располагаем, 4,2% детей, родившихся в 1910 г. у старообрядцев, были незаконнорожденными, тогда как среди православного населения и в целом по 50 губерниям Европейской России внебрачная рождаемость составляла 2,3% (Движение 1916: II). По-видимому, в Азиатской России, и в частности в Сибири, доля незаконнорожденных детей была больше,* но эти территории империи были значительно менее насе-

* Например, в журнале общего присутствия Енисейского губернского управления от 23 марта 1917 г. указывалось, что в сибирских губерниях «внебрачное сожительство среди крестьян констатируется как заурядное явление» (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.588. Л.12 об.).

ленными. Поэтому принято считать, что внебрачная рождаемость «по причинам-морального и религиозного характера распространена не была и измерялась ничтожными величинами» (Население 2000: 62).

Однако, по свидетельству современников, незаконные браки не были редкостью среди малоимущего населения, и эти «ничтожные величины» создавали большие проблемы при организации призрения солдатских семей. Многие из внебрачных семей практически ничем не отличались от тех, чьи браки были освящены церковью, – долгие годы невенчаные супруги жили вместе, вели общее хозяйство, растили детей, иногда по 4–6 и более ребятишек мал мала меньше. Обычно о незаконнорожденных детях пишут как об изгоях, подвергавшихся всеобщему осуждению и презрению (Там же: 63). Конечно, их участь была незавидной, но далеко не всегда «греховности» их происхождения придавалось какое-либо значение.

Война показала, что общество относится к незарегистрированным бракам весьма терпимо и даже с пониманием и сочувствием. «Жизнь слишком сложна, чтобы можно было пренебрегать сущностью ее: семьи “незаконные” не являются продуктом какого-то “разврата”, а необходимостью, которая лишь по третьестепенным причинам не получила формальной санкции». Размышляя о причинах распространения «незаконных сожительств», питерский публицист писал: «Если до некоторой степени тому причиной является трудность расторжения браков, – в значительной большей мере существованию “незаконных” браков способствуют экономические условия жизни. И чем ниже социальная группа (ниже – в материальном отношении), тем чаще случаи “незаконных сожительств”. Метафизическая мораль и архаическая законность пасуют пред лицом жизни» (Рысс 1915).

Попечительства, действуя «по совести и справедливости», стремились по мере возможности оказывать помощь незаконным женам и детям, включая приемышей, пасынков и падчериц, наравне с законными, но не из государ-

ственных, а из общественных и благотворительных средств, если они это позволяли. Однако в отличие от законных жен при назначении пайков и других пособий гражданским женам в первую очередь учитывалось наличие детей, имущественное положение и трудоспособность просительниц. Детям уделялось особое внимание, так как для общества нет законных и незаконных детей – все они имеют право на его заботу. Таково было господствующее мнение. К примеру, в Петрограде в марте 1915 г. десятую часть получателей пайка составляли незаконнорожденные дети.

В массе просмотренных мной газет и журналов военных лет только раз мне встретилось сообщение об энергичном протесте дам – членов Томского городского комитета по призрению семейств запасных и ратников ополчения, призванных на военную службу, против оказания помощи внебрачным семьям. Да и то блюстительницы нравственности были посрамлены – большинством голосов комитет решил оказывать помощь внебрачным семьям в размере казенного пособия (Фотиев 1914). Это был едва ли не один-единственный случай протеста на многие тысячи сообщений о помощи внебрачным семьям и требований уравнивания их в правах на паек с законными семьями. Положение законных семей было гораздо более прочным, и внебрачные жены всеми силами добивались назначения казенного «пособия». Общество было на их стороне. В печати появились статьи, авторы которых ссылались на пример «культурных стран», и в частности воюющей с Россией Германии, где незаконные семьи были уравнены с законными в правах на получение пенсий и пособий от государства (Там же; Лурье 1915: 265–266, и др.).

Тем временем в народе наблюдался подъем религиозного чувства – усиленно посещались церкви, участились молебны, увеличилась брачность, главным образом «среди низшего и среднего класса населения». Молодежь, подлежавшая призыву, и люди постарше спешили обвенчаться и узаконить свои внебрачные связи. Уйти на войну женатыми удавалось не всем. Мобилизация проходила быстро. Многим священники отказывали в венчании из-за не-

достатка документов. Духовенство было озабочено тем, чтобы массовое обращение народа к вере не осталось кратковременной вспышкой в грозную военную пору (Война 1914; Аггеев 1914).

В правящих кругах признавалась необходимость помощи внебрачным семьям нижних чинов, но категорически отвергалось предложение о выделении на это специальных государственных ассигнований. При обсуждении этого вопроса на заседании Верховного совета 13 ноября 1914 г. почти все его участники высказались за помощь внебрачным семьям. Однако Верховный совет посчитал, «что издание закона, в силу которого внебрачная семья получала бы от казны пособие на одинаковых основаниях с семьею законною, не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умалило бы святость брачного союза в народном сознании» (Известия 1915. № 3: 18). Посему помощь внебрачным семьям предоставлялась за счет местного бюджета и пожертвований.

Приняв во внимание, что закон 25 июня 1912 г. весьма широко определил круг членов семьи призванного в войска нижнего чина, имеющих право на казенное продовольственное пособие, Верховный совет высказался также против распространения этого права на пасынков, падчериц и приемных детей призванных. Хотя средний размер продовольственного пособия к апрелю 1915 г. составлял 2 руб. 75 коп. в месяц на душу, в некоторых случаях число членов семьи, получающих паек, доходило до 12 человек, а размер пособия – до 30 руб. в месяц на семью. Как полагал Верховный совет, щедрая помощь государства семьям, имеющим в сельской местности собственное хозяйство и жилье, позволяла им содержать тех членов семьи, которые остались без государственного пособия (Там же; № 6: 19).

Еще одним животрепещущим вопросом, который обсуждался на помянутом заседании Верховного совета и неоднократно поднимался в дальнейшем, был вопрос о распространении права на призрение за счет государства на семейства нижних чинов, состоящих на действительной службе по призыву и не отбывших еще определенных для

службы в мирное время сроков. Верховный совет рассудил, что распространение на них действия закона 25 июня 1912 г. повлекло бы за собой увеличение расходов на призрение семейств приблизительно на 25% и было бы для Государственного казначейства совершенно непосильным. Кроме того, тем самым нарушался бы принцип безвозмездного отбывания воинской повинности, что было признано Верховным советом «и несвоевременным и неосторожным».

В то же время подчеркивалось, «что тем из этих семей, которые находятся в бедственном положении, оказание помощи в порядке благотворительном представлялось бы весьма желательным», на что было особо указано комитетам великой княгини Елизаветы Федоровны в Москве и великой княжны Ольги Николаевны в Петрограде. Оба эти комитета действовали под эгидой Верховного совета и имели целью оказание благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну из запаса и ополчения. Верховный совет предложил также комитетам, учреждениям и обществам по призрению семей воинов преимущественно оказывать помощь тем из нуждающихся семей, которые по закону не имели права на казенное пособие (Там же. № 3: 16, 42–43). Если у кого-то и были сомнения на этот счет, после постановления Верховного совета они отпали.

Деятельность Елизаветинского комитета была особенно обширна – местные отделения комитета учреждались по всей России, кроме Петрограда и его губернии, Финляндии и Кавказа, где такая же работа проводилась Ольгинским и Кавказским комитетами. В начале 1917 г. в ведении Елизаветинского комитета состояло до шести тысяч учреждений. Поскольку проправительственные комитеты разворачивали свою деятельность не только за счет пожертвований, но и благодаря ассигнованиям из казны, получаемым через посредничество Верховного совета, можно утверждать, что государство санкционировало и в какой-то мере субсидировало помощь незаконным семьям и семьям нижних чинов, отбывающих обязательную воинскую повинность.

Основным условием для назначения пайка по закону 25 июня 1912 г. являлось требование, чтобы члены семьи, за исключением жен и детей, содержались трудом призванного на действительную военную службу. Произвольность в толковании этой формулировки создавала почву для недоразумений. Помимо расширения круга получателей пайка, Государственная дума в феврале 1916 г. высказала пожелания об ускорении процедуры назначения пайка и об увеличении пайков в городах в связи с растущей дороговизной. Резкое увеличение расходов на пайки не смущало Думу. Проявляя великодушие, члены Думы не заботились о том, из каких средств будет оплачиваться их щедрость.

Оба предложения: Министерства внутренних дел о сужении круга лиц, имеющих право на получение пайка, и Государственной думы – о его расширении – не нашли поддержки в Государственном совете. Закон 16 июля 1916 г. об изменении и дополнении постановлений о призрении нижних чинов и их семейств внес лишь небольшие поправки и уточнения в действующее законодательство (СУ 1916. Ст.1644). Свойственники, «боковые родственники» и внебрачные семьи солдат могли рассчитывать лишь на благотворительную помощь, которая носила случайный и временный характер. Тем не менее вопрос об их праве на паек не был окончательно снят с повестки дня.

Ввиду трудности, а подчас и невозможности провести обследование солдатских семей с целью установления факта содержания родственников призванного на войну его трудом по инициативе Управления воинской повинности Междуведомственное совещание при Верховном совете, которое состояло из представителей военного и большинства гражданских ведомств, в 1916 г. приняло решение о выдаче пайка всем не достигшим 17-летнего возраста братьям и сестрам солдат, а также их нетрудоспособным родственникам по восходящей линии (родителям, деду и бабушке), независимо от того, содержались они на средства призванного или нет. Определять нетрудоспособность поручалось попечительствам, не имевшим для этого четких и единообразных критериев.

Февральская революция породила надежды на быстрое разрешение застаревших проблем. От новой власти ожидали проведения демократических преобразований, в том числе и в сфере призрения, введения всеобщего и обязательного страхования на случай болезни, увечности и старости, осуществления права на государственное призрение, уравнивания в правах на паек незаконных семей нижних чинов с законными и семей призванных в войска из запаса и ополчения с семьями солдат срочной службы. У пришедших к власти думцев и земцев появилась возможность претворения в жизнь всех тех реформ, которых они годами безуспешно добивались от царского правительства, но оказалось, что одного желания для этого мало. С вершины власти перспективы преобразований выглядели иначе, чем у ее подножия.

В петроградские городские участковые попечительства демократия ворвалась в лице солдаток. Растущая дороговизна обесценивала выдаваемый им паек, а разница в размерах благотворительной помощи, предоставляемой солдаткам в различных попечительствах, возбуждала их недовольство и подозрения. В работе попечительств солдатки прежде не участвовали ввиду полицейских затруднений. 16 марта 1917 г. в 19-м городском попечительстве по инициативе солдаток состоялось бурное собрание, на котором присутствовало свыше 600 человек. «Надо заметить, что в начале дело шло не особенно хорошо: шум и гам стоял невообразимый. Всем хотелось высказать накипевшую обиду, – рассказывала об этом собрании попечительница. – Но мало-помалу удалось водворить порядок; были выбраны председатель и секретарь (из опекаемых); стали выходить ораторы и понемногу можно было записывать резолюции и их даже голосовать» (Товарковская 1917: 98).

Собрание единогласно постановило отменить все натуральные пособия (квартирные, обеды, хлеб, молоко), сохранить детские и трудовые организации, увеличить паек до 20 руб. и выдавать его детям, братьям, сестрам и родителям солдат без каких-либо ограничений, уравнивать гражданских жен с законными, а семьи запасных и ратни-

ков ополчения с призванными на действительную срочную службу, произвести пересмотр освобожденных от призыва, оставив самых необходимых специалистов. Собрание избрало десять делегатов для вручения этих резолюций Временному правительству. В дальнейшем намечалось провести порайонные собрания для обсуждения нужд солдаток. Попечительница охарактеризовала это собрание как «серьезное и деловое» и выразила надежду, «что из мелких порайонных собраний могут получиться народные клубы, где организация и общественность постепенно войдут в плоть и кровь наших опекаемых, а привлечение их к совместной работе даст возможность направить эту работу по верной дороге» (Там же). Цепная реакция собраний «опекаемых» прошла по другим попечительствам.

На собрании городских попечительств 24 марта в городской управе представители многих попечительств говорили о предъявляемых к ним солдатками требованиях, которые сводились к тому, чтобы «призреваемые» принимали непосредственное участие в распределении ассигнуемых на их нужды средств. От некоторых попечительств солдатки потребовали прекращения их деятельности и передачи всего дела в руки самих «призреваемых» или районным комитетам.

В воскресенье 9 апреля состоялось грандиозное шествие солдаток к Таврическому дворцу. В образцовом порядке под звуки оркестра более ста тысяч солдаток со знаменами и транспарантами прошли по улицам города, требуя увеличения пайка, демократической республики, созыва Учредительного собрания, земли и воли, равноправия женщин. Встретившие солдаток члены Исполнительного комитета Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов признали их требования справедливыми и обещали им полную поддержку. Временное правительство исправно платило солдаткам по векселю, выданному царским правительством в 1912 г. Резкое повышение цен и падение покупательной способности рубля приводили к предъявлению новых требований к властям. Эйфория от успехов революции усиливала натиск народных масс на Временное правительство.

По многочисленным ходатайствам семей нижних чинов, поддержанным Советами солдатских и рабочих депутатов, Советами крестьянских депутатов, общественными комитетами, фронтовыми организациями и организациями самих солдаток, 29 мая 1917 г. Временное правительство постановило образовать при Министерстве внутренних дел междуведомственную комиссию для пересмотра действующего законодательства о выдаче пайка. Комиссия провела подготовительные заседания 6, 7, 9 июня и пленарные 12, 13, 14, 16, 17, 19 июня при участии представителей министерств: внутренних дел, военного, морского, финансов, земледелия, государственного призрения, продовольствия, Государственного контроля, а также Советов солдатских и рабочих депутатов: Петроградского, Кронштадтского, Московского, Казанского, Харьковского, Томского и Архангельского, Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, петроградских городских попечительств, делегатов от солдаток Петрограда, Казани, Костромы, Архангельска и представителей фронта.

Выработанные комиссией пожелания были направлены на заключение заинтересованным ведомствам. Ввиду отрицательного отношения Министерства финансов и Государственного контроля к новым расходам на пайк 23, 24 августа и 7 сентября вопрос о пайке был вновь рассмотрен в образованном при Министерстве внутренних дел совещании из представителей вышеупомянутых ведомств и делегатов от Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.529. Л.1 об.-2).

Ввиду остроты вопроса о помощи внебрачным семьям солдат Временное правительство разрешило его, не дожидаясь созыва совещания. Разорение и запустение крестьянских хозяйств прежде всего сказалось на самых слабых – тех, для кого ушедшие на войну кормильцы были единственной опорой. Из-за оскудения местных бюджетов, значительного ослабления притока частных пожертвований

и развала благотворительных структур внебрачные семьи, помощь которым предоставлялась на благотворительной основе, лишились всякой поддержки и оказались в бедственном положении.

С марта 1917 г. вопрос о предоставлении права на паек внебрачным семьям и другим родственникам солдат, не получивший разрешения при «старом режиме» из-за сопротивления Государственного совета, разрабатывался в Министерстве внутренних дел и 24 апреля был вынесен на рассмотрение Временного правительства. Под напором массовых требований солдат и их внебрачных семейств, попечительств, общественных организаций, Советов и местных властей Временному правительству не оставалось ничего другого, как принять 22 июня постановление о распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей.

В соответствии с этим постановлением внебрачные жены солдат, имеющие или ожидающие детей, по ходатайству солдат приравнялись к законным женам в отношении получения пайка. Внебрачным бездетным женам паек назначался при непременном условии, если они жили совместно не менее года до призыва и содержались трудом призванного солдата. Внебрачным матерям, братьям, сестрам и не усыновленным законным порядком, т.е. через волостное правление, мещанскую управу или окружной суд, приемным детям (пасынкам, падчерицам и воспитанникам) солдат, принятым в их семьи до призыва, паек полагался также лишь в том случае, если они содержались трудом призванных. При наличии законной семьи внебрачная семья правом на паек не пользовалась.

Одной из наиболее действенных мер к возможному снижению расходов на паек признавалось ограничение его выдачи только нуждающимися семьями. Еще на заседании междудементальной комиссии 13 июня предлагалось установить норму обеспеченности в зависимости от кратности пайка, т.е. считать необеспеченной и, стало быть, имеющей право на паек семью, общий доход которой, разделенный на число членов семьи, не превышал тройной

стоимости пайка по данной местности. При этом в расчет принимались бы все виды доходов, получаемых от имущества, личного труда и пр., но в совокупном доходе семьи учитывалось бы лишь две трети заработка.

При обсуждении этого вопроса в совещании 23 августа была принята во внимание крайняя сложность точного исчисления доходов всех членов семьи и особенно заработка, иногда очень непостоянного, что было бы совершенно непосильно для волостных и городских попечительств. Кроме того, указывалось, что эта мера вряд ли принесет ощутимые сбережения для казны. Например, стоимость пайка в Петрограде в то время составляла 15 руб., а значит, необеспеченной считалась бы семья из трех человек, доход которой не превышал 135 руб. в месяц, а при личном заработке доходил даже до 200 руб. в месяц. В сельской местности, где стоимость пайка приближалась к 10 руб., пришлось бы считать необеспеченной семью из трех человек, имевшую доход от имущества до 90 руб. в месяц или 1080 руб. в год. «Очевидно, число таких семей будет совершенно незначительно и полученная экономия от прекращения им пайка ничтожна», – сообщал 29 сентября товарищ министра внутренних дел С.Н.Салтыков управляющему делами Временного правительства А.Я.Гальперну (Там же. Л.2).

Поэтому совещание сочло необходимым отказаться от установления предельной нормы доходности и признало желательным ввести различные условия для получения пайка. Паяк предполагалось выдавать тем женам и детям призванных, которые не имели достаточных средств к существованию. Назначение им пайка зависело бы от местных пайковых учреждений, т.е. главным образом от волостных и городских попечительств. Как считали государственные мужи, эти попечительства, избранные «демократизированными местными самоуправлениями с добавлением представителей от семей призванных, дают достаточные гарантии участливого и справедливого отношения к интересам семей призванных» (Там же. Л.2 об.).

«Восходящим родственникам» – отцу, матери, деду и бабушке – выплачивать пайковое довольствие предполага-

лось в том случае, если они нетрудоспособны, содержались трудом призванного, не имеют достаточных средств к существованию и в семье нет трудоспособного работника, оказывающего им требуемую поддержку. При обсуждении вопроса о том, кого считать нетрудоспособным, а кого работником, совещание вслед за комиссией признало трудоспособными мужчин в возрасте от 18 до 55 лет и женщин от 18 до 50 лет, если они не имели увечья, болезни или физического недостатка, делающего их нетрудоспособными. Ввиду меньшей продуктивности женского труда за одного работника в семье считались две незамужние трудоспособные женщины.

Идя навстречу многочисленным ходатайствам солдат и местных общественных организаций, междуведомственная комиссия выступила за дальнейшее расширение круга получателей пайка и предоставление права на паек отчимам, мачехам, пасынкам, падчерицам, приемным родителям, а также тестю и теще зятьев-примаков (т.е. зятьев, живших в доме родителей жены), считая, что все эти родственники в обычных условиях деревенской жизни составляют единую семью, не отличающуюся от кровной. В правах на паек они приравнивались к братьям и сестрам солдат. Но приемные родители получали бы это право лишь при условии, если солдат был принят в семью до достижения им 10-летнего возраста, а тесть и теща – если зять стал членом их семьи не менее, чем за год до его призыва в войска, и его кровные родители пайка не получали. Совещание в целом одобрило эти предложения и постановило предоставлять продовольственное пособие братьям и сестрам, отчимам и мачехам, пасынкам и падчерицам призванного при условии, если они жили на его средства и без пайка существовать не могут. Большинству участников совещания казалось, что тем самым будут устранена возможность получения пайка обеспеченными семьями и достигнута некоторая экономия государственных средств.

Однако с этими предложениями не согласились представители Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов, которых не устраивала неопределенность некоторых фор-

мулировок. В целях ограждения права на паек нуждающихся семейств они настаивали на необходимости точного указания в законе, какая семья считается «не имеющей средств к существованию», и предлагали вернуться к первоначальному варианту – установлению нормы обеспеченности в зависимости от кратности пайка.

Представители Советов предложили также уравнивать в правах на паек приемных родителей с кровными и выдавать паек «восходящим родственникам» при условии, «если они не имеют достаточных средств к существованию и содержались трудом призванного или вследствие изменившихся обстоятельств нуждаются в его поддержке», так как за время службы солдата его родители нередко утрачивали трудоспособность и впадали в крайнюю бедность. На тех же условиях они предлагали выдавать паек прочим перечисленным выше родственникам, категорически возражая против неопределенного критерия «без пайка существовать не могут» (Там же. Л.2 об.-4, 5 об.).

Под давлением «снизу» совещание согласилось с решением комиссии о выплате детям до пятилетнего возраста, включая младенцев, пайка в полном, а не в половинном размере на том основании, что дети в этом возрасте нуждаются в более дорогом питании, например в молоке, а их матери лишены возможности постороннего заработка. В целях экономии государственных средств совещание и комиссия предложили прекращать выплату пайка по достижении 16 лет, т.е. на год ранее, чем было установлено законом 25 июня 1912 г. По приблизительным подсчетам, выдача детям до пяти лет, которых насчитывалось около 5,5 млн., полных пайков при условии, что стоимость среднего пайка не превысит 10 руб., потребовала бы от государства нового расхода в 27,5 млн. руб. в месяц, тогда как экономии от прекращения пайка подросткам по достижении 16-летнего возраста ожидалось до 7,5 млн. руб. (Там же. Л.4).

Совещание попыталось ввести ограничения при назначении пайка подросткам до 16 лет, которые снискивали себе пропитание собственным трудом и по причине нехватки рабочих рук, вызвавшей увеличение спроса и оплаты

труда, иногда зарабатывали вполне достаточные для существования средства. Однако этому воспротивились представители Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов, указавшие, что подростки лишь из-за крайней нужды вынуждены идти на заработки вместо того, чтобы учиться. По обсуждению этого вопроса совещание признало несправедливым выдавать всем подросткам половинный паек и решило предоставить местным пайковым учреждениям право назначать подросткам от 13 до 16 лет паек в половинном размере в зависимости от условий жизни отдельной семьи (Там же. Л.4-4 об.).

Как уже отмечалось выше, весьма болезненным вопросом являлся вопрос о распространении права на паек на семьи нижних чинов срочной службы. По закону они получали это право только с того момента, когда заканчивался срок обязательной службы и солдаты задерживались в войсках по военным обстоятельствам. В результате продолжительной войны почти все мужское население, способное к несению воинской службы, было призвано в войска, вследствие чего повсеместно не доставало рабочих рук. На «обезлюдение семей работниками» сильно повлиял досрочный призыв в войска молодежи в возрасте 18-19 лет, т.е. на один-два года ранее определенного Уставом о воинской повинности 1912 г. срока. Обеднение деревни рабочим скотом из-за реквизиции лошадей, сокращение посевов, рост дороговизны привели к снижению экономической устойчивости хозяйств и вызвали массовые ходатайства, иногда граничившие с ультимативными требованиями, о распространении права на паек на семьи солдат срочной службы.

Совещание, как и комиссия, признало необходимым распространить на них в военное время право на паек с тем, чтобы выдача пайка продолжалась и в мирное время, пока экономические условия не придут в норму, но не до истечения полугодового срока со дня объявления акта о демобилизации. При этом совещание сочло нужным поставить эти семьи в одинаковые условия с братьями и сестрами призванных по мобилизации, т.е. выдавать им паек лишь в том случае, если семья солдата жила на его средства и без пайка существовать не могла. Как и следовало ожи-

дать, с таким решением не согласились представители Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов, которые заявили, что право на паек семьям солдат действительной службы «является одним из главнейших и справедливейших требований армии» и это право должно быть им предоставлено на общих основаниях, т.е. на равных условиях с семьями запасных и ратников ополчения.

На обязательной службе без получения пайка состояли призывные 1914–1919 гг., общее число которых составляло около 4 млн. человек, не считая «первольготников»,* семьи которых уже пользовались правом на пайки. При подсчетах предстоящих государству новых расходов на пайки учитывалась «убыль в войсках» примерно в 25% и число новобранцев, семьям которых будет выплачиваться продовольственное пособие, сокращалось до 3 млн. Хотя среди новобранцев было много неженатых, у них имелись нетрудоспособные родители, малолетние братья и сестры. При самом осторожном исчислении предполагалось, что семья новобранца в среднем состоит из двух человек. Это означало, что к получателям пайка добавятся еще 6 млн. человек. При ожидаемой тогда средней стоимости пайка в 10 руб. дополнительный ежемесячный расход государства на пайки составил бы 60 млн. руб. (Там же. Л.4 об.–5 об.).

В ходе обсуждения на совещании категорий лиц, имеющих право на паек, представители Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов потребовали восста-

* «Первольготниками» называли тех, кто по Уставу о воинской повинности имел льготу 1-го разряда (безусловную), которая по соображениям «экономической охраны семьи» предоставлялась единственному сыну в семье, единственному способному к труду члену семьи (например, когда его отцу было более 55, а братьям менее 16 лет) и вдовцам-одинокам с детьми, обычно освобождавшимся от несения воинской службы как в мирное, так и в военное время (ПСЗ III. № 37417. Ст.18). Досрочные призывы проводились явочным порядком, и «первольготники» призывались на военную службу наряду со всеми. При этом по закону 23 октября 1915 г. они перечислялись в ратники государственного ополчения 2-го разряда, семьи которых имели право на получение пайка.

новления в правах на паек семей солдат, добровольно сдавшихся в плен неприятелю до 1 марта 1917 г., мотивируя это тем, «что при прежнем режиме у солдат не было достаточной идейной основы для выполнения своего долга и, кроме того, причины сдачи, которые в боевой обстановке установить вообще трудно, недостаточно обстоятельно обследовались и в констатировании многих фактов сами солдаты серьезного участия не принимали, вследствие чего допускались нередко ошибки». Как считали представители Советов, проверить правильность лишения пайка семей сдавшихся в плен совершенно невозможно из-за того, что войсковые части за время войны неоднократно пополнялись, свидетелей не найти, а сами пленные никаких показаний дать не могут.

Это утверждение категорически опроверг представитель Военного министерства.* Он заявил, что лишение пайка семей добровольно сдавшихся в плен всегда производилось лишь в очевидных случаях, доказанных и удостоверенных начальником отдельной войсковой части и свидетельскими показаниями товарищей солдат. В сомнительных случаях Военное министерство отдавало распоряжение о возобновлении выдачи пайка семьям таких солдат. Остальные участники совещания сочли доводы представителя Военного министерства убедительными (Там же. Л.7-7 об.).

Особенно много внимания комиссия и совещание уделили составу пайка. Росла дороговизна, но еще быстрее росли аппетиты солдаток. Комиссия предлагала добавить в паек 1,5 фунта сливочного масла, 15 ф. мяса, 1,5 пуда картофеля, 2 ф. сахара и $\frac{1}{8}$ ф. чая. При таком подходе «призрение» солдатских семей фактически превращалось в их полное содержание на средства государства. В случае пре-

* В соответствии с законом 3 июля 1916 г. выдача пайка прекращалась семьям солдат, добровольно, без употребления оружия сдавшихся в плен неприятелю или совершивших побег с места службы. Уклонение от исполнения приказа выйти на боевую позицию приравнивалось к побегу, если оно сопровождалось самовольным оставлением, хотя бы на короткое время, своей команды. Семьи не исполнивших приказа, но не являвшихся дезертирами солдат могли быть лишены пайкового довольствия только после осуждения таковых солдат судебным приговором и лишения их воинского звания и всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, присвоенных им лично и по состоянию.

доставления права на паек новым категориям родственников солдат, как это планировалось комиссией, число получателей пайка увеличилось бы с 35 до 45 млн. человек. Для содержания этой 45-миллионной армии родственников солдат в соответствии с разработанными комиссией нормами пайка государству пришлось бы изыскать не 3, а 11 млрд. руб., тогда как содержание действующей армии, включая ее снабжение, строительные работы военного ведомства и пр., в 1917 г. исчислялось в 17 млрд. руб.

Чтобы удовлетворить требования солдаток, понадобилось бы выделить им более трети среднего урожая ржи и пшеницы, около 40% урожая картофеля, 40–50% производимого сахара, 35% ввозимого чая и более 8 млн. голов крупного рогатого скота. «Вопрос о том, откуда государство может достать средства для удовлетворения таких изумительных требований, конечно, нимало не занимает тех, кто думает, что казна может все выдержать, забывая, что казенные деньги это те же народные деньги, получаемые налогами и займами, и что государство ведет войну, требующую величайшего напряжения средств», — писал Г.Д.Дементьев, в прошлом высокопоставленный чиновник Министерства финансов. Ввиду очевидной невозможности удовлетворения предъявляемых государству требований, большая часть их была снята. Однако, по самому скромному расчету, расходы на пайки должны были увеличиться не менее, чем на 1 млрд. руб. в год (Дементьев 1917: 41–43).

При рассмотрении вопроса об источниках покрытия новых расходов в 8 млрд. руб. на одном из заседаний комиссии предлагалось сократить оклады 20-тысячных пенсий, которых не набиралось и десятка, а также оклады содержания высшим чинам, обложить налогом предметы роскоши и жилую площадь, превышавшую необходимую норму. Однако сокращение высоких окладов пенсий и жалования в лучшем случае дало бы 40 млн. руб. Не доставило бы миллиардов казне и повышение налогообложения.

Комиссия высказалась также за установление выплаты квартирных денег. Военным министерством был поднят вопрос об оплате квартир до 4 кв. сажен, т.е. пример-

но 25,6 кв. метра на семью, с отоплением и освещением в тех случаях, когда солдатские семьи не имели собственного или дарового жилья. Предположительно число таких семей составляло от 3 до 4 млн. На оплату жилья для них государству пришлось бы выделить 600–800 млн. руб. в год из расчета 200 руб. на семью.

Комментируя это предложение, Дементьев саркастически замечал: «Конечно, если бы были деньги, то можно ли жалеть их для доблестных защитников родины, изумляющих и друзей, и врагов, и весь нейтральный мир. Но беда в том, что в России только одна фабрика изготавливает кредитные билеты; до 1917 г. она справлялась со своей задачей, а в этом году уже не успевает печатать столько, сколько необходимо. Наши предшественники не предвидели требований нашего времени и не догадались создать вторую экспедицию заготовления государственных бумаг» (Там же: 42–44). Демократия, лишенная прочного экономического фундамента, оборачивалась демагогией чистой воды.

Совещание, отличавшееся более реалистическим подходом к разрешению вопроса о пайке, признало необходимым по мере возможности приблизить состав пайка к «гигиенической норме» и с учетом общего недостатка продуктов в стране и ухудшения питания всего населения высказалось за следующий состав пайка: 1 пуд 20 фунтов муки, 4 ф. крупы, 2 ф. соли, 1 ф. постного масла, 12 ф. картофеля, 1 ф. сахара и $\frac{1}{8}$ ф. чая. Стоимость добавленных продуктов по ценам в Петрограде, сообщенным Министерством продовольствия 3 августа 1917 г., составляла: картофель – 3 руб. 60 коп., сахар – 43 коп., чай – 75 коп., а всего – 4 руб. 78 коп. Экономии от сокращенных продуктов ожидалось: на муке – 88 коп., крупе – 1 руб. 50 коп., соли – 10 коп., а всего – 2 руб. 48 коп. Таким образом, стоимость пайка увеличивалась на 2 руб. 30 коп. Обычно его стоимость устанавливалась не по рыночным, а по более низким отпускным ценам на продукты, хотя и те и другие быстро росли. В августе средняя стоимость пайка, выдававшегося по установленным в 1912 г. нормам, превысила 8 руб. Повышение стоимости пайка на 1 рубль, или около 3 коп. в день, даже при сохранении прежнего круга

получателей пайка уже влекло за собой новый ежемесячный расход в 37 млн. руб. (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.529. Л.6–6 об.). Из копеек складывались миллионы и миллиарды.

Ни комиссии, ни совещанию не удалось достигнуть «консенсуса» в определении состава пайка, впрочем, как и в других вопросах. На совещании представители Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов солдатских и рабочих депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов остались при особом мнении, полагая, что состав пайка должен определяться нормами, которые, согласно указаниям врачей-гигиенистов, наиболее соответствуют сносному питанию и приняты всероссийскими съездами названных организаций, а именно: 1 пуд 20 фунтов ржаной муки, 12 ф. овощей, 8 ф. крупы, 1 ф. сахара, $3 \frac{1}{3}$ ф. жиров, $\frac{1}{8}$ ф. чая и 2 ф. соли.

Вслед за комиссией совещание предложило выплачивать семьям нижних чинов обязательное пособие на жилье. Предполагалось установить ежемесячные выплаты квартирных денег в размере 50 коп. на душу в деревнях, 1 руб. – в городах с населением менее 150 000 человек и 2 руб. – в прочих городах. В некоторых городах квартирные деньги уже выплачивались за счет благотворительных и городских средств. Например, в Петрограде выдавали от 4 до 5 руб. на семью. Если бы проектируемый закон был принят, бремя финансовых расходов на жилье целиком было бы переложено на казну. Ввиду практически одинаковых условий жизни и цен на продукты в городах и пригородах комиссия и совещание высказались за предоставление губернским и областным пайковым учреждениям права приравнивать пригороды к городам в отношении стоимости пайка и размера квартирных пособий (Там же. Л.6 об.).

Совещание приняло во внимание, что в связи с образованием волостных земских учреждений в ближайшее время намечалось переизбрание волостных попечительств волостными земскими собраниями на основании п.II, отдела VIII Временного положения о волостном земском управлении, утвержденного Временным правительством 21 мая 1917 г. (СУ 1917. Ст.655). В случае неизбрания таких попечи-

тельств их обязанности переходили к волостным земским управам. В городах обязанности по обследованию семейств призванных выполняли участковые (районные) попечительства, особые исполнительные комиссии, состав и избрание которых зависели от усмотрения городских управлений. Считая, что демократический состав общественных учреждений уже обеспечен вследствие их образования на основе всеобщего избирательного права, совещание полагало достаточным включить в волостные попечительства и в соответствующие им пайковые учреждения в местностях, где не введено волостное земское управление, а также в городах по два представителя от семей призванных.

В уездах делом призрения по-прежнему ведали уездные попечительства, образованные по указу 29 августа 1914 г. в тех губерниях, где действовало в то время Положение о земских учреждениях, а в прочих губерниях и областях – уездные съезды, уездные совещания под председательством уездного комиссара или заменяющие их установления. В городах, выделенных в отношении выдачи пайков в самостоятельную, равную уездной единицу, действовали городские попечительства с правами уездных попечительств, а в некоторых городах имелись особые присутствия по призрению солдатских семей, как, например, в Петрограде (СЗ 1915. Т. XIII. Ст. 570, прим. 2). Руководящим губернским органом по выдаче пайков оставалось губернское присутствие или соответствующее ему учреждение.

Учитывая, что, за редким исключением, новые органы земского и городского управления еще не сформировались и губернская административная реформа не была закончена, совещание предложило пока воздержаться от перемен в составе уездных, городских и губернских пайковых учреждений, ограничившись включением в их состав трех представителей от заинтересованных организаций – по одному от местного Совета солдатских и рабочих депутатов, Совета крестьянских депутатов и от семей призванных. Выбор представителей семей призванных предоставлялся на усмотрение их организаций, а при отсутствии таковых – волостным, уездным и губернским земским собраниям и городским

думам (общим или участковым). До преобразования местного самоуправления на новых началах подлежащим правам следовало приглашать представителей семей призванных без всяких демократических церемоний. Новым членам попечительств от Советов и семей призванных предоставлялось право решающего голоса (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.529. Л.6 об.-7).

Расходы на пайки солдатским семьям составляли основную часть расходов Министерства внутренних дел и вообще гражданских ведомств. В 1914 г. на пайки было израсходовано 190,6 млн. руб., в 1915 г. – 623,7 млн., в 1916 г. – 1 млрд. 106,8 млн. руб., а в 1917 г. на них предполагалось затратить 3 млрд. руб. Если в начале войны паек обходился в 2–3 руб., то в 1917 г. – в 10–15 руб. В сентябре 1917 г. число получателей пайка превысило 37 млн. человек, расход на выплату пайков достиг 323 млн. руб. в месяц и продолжал стремительно расти. За всю войну на них уже было истрачено 3 млрд. 265 млн. руб. Расходы на выплату пайкового довольствия солдатским семьям значительно превышали все прочие статьи расходов, в том числе расходы на помощь беженцам, которые в 1914–1917 гг. составили 736 млн. руб. (Там же. Л.1 об.; Дементьев 1917: 30).

Министерство финансов выступало против любого увеличения расходов казны. Государственный контроль, возражая против распространения права на паек на новые категории родственников солдат и изменения его состава, тем не менее соглашался на выплату полного пайкового довольствия детям до 5 лет при условии выдачи его в половинном размере подросткам от 13 до 16 лет, что, как отмечалось выше, вызвало бы увеличение ежемесячного расхода казны на пайки на 20 млн. руб. В отношении распространения права на паек на семьи солдат срочной службы Государственный контроль считал возможным предоставлять им это право лишь в особо уважительных случаях.

Министерство внутренних дел полагало, что «при существующем на практике в большинстве местностей снисходительном отношении пайковых учреждений к заявляющим о праве на паек лицам» экономия от выплаты пайка семьям в зависимости от их материальной обеспеченности, выдачи его некоторым под-

росткам 13–16 лет в половинном размере и полного прекращения пайкового довольствия с 16 лет будет незначительна и окажется в несколько раз менее суммы новых крупных расходов, которые неизбежно повлечет за собой принятие подготовленного совещанием законопроекта (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.529. Л.7 об.–8).

При общем подсчете предстоящих государству расходов на пайки в соответствии с проектируемыми изменениями действующего законодательства оказалось, что эти расходы увеличатся примерно на 200 млн. руб. в месяц. Изменение состава пайка по минимальному исчислению удорожило бы его стоимость на 2 руб. 30 коп. в месяц. Если бы с расширением круга получателей пайка их количество возросло до 45 млн. человек, не считая отчимов, мачех, пасынков, падчериц, приемных родителей и родителей жен нижних чинов, число которых не поддавалось даже приблизительному учету, новый расход на пайк составил еще 103,5 млн. руб. в месяц, или 1 млрд. 242 млн. руб. в год. Выдача пайка семьям солдат срочной службы и полных пайков малолетним детям потребовала бы дополнительного расхода в 87,5 (соответственно 60 и 27,5) млн. руб. в месяц. Уравнение пригородов с городами в отношении стоимости пайка и выплаты квартирного пособия, если даже допустить, что таковое выдавалось бы только нуждающимся в нем городским жителям в размере 1–2 руб., а в среднем 1 руб. 50 коп. на человека, вызвало бы новый расход приблизительно в 7,5 млн. руб. в месяц, или 90 млн. руб. в год на 5 млн. человек. В итоге от казны потребовалось бы еще как минимум 198,5 млн. руб. в месяц, или 2 млрд. 382 млн. руб. в год – такова была цена либерально-демократического законотворчества Временного правительства в этой области (Там же. Л.8).

На сентябрь – ноябрь 1917 г. расходы на пайк были исчислены по действующему законодательству и составили около 970 млн. руб. из расчета приблизительно 323 млн. руб. в месяц. В связи с ожидавшимся повышением вдвое твердых цен на хлеб и неминуемым вздорожанием других продуктов, входивших в состав пайка, ежемесячные рас-

ходы на пайск даже без изменения действующего законодательства должны были вскоре превысить 400-миллионный рубеж. Министерство внутренних дел в принципе одобряло предположения совещания и признавало желательным пересмотр законодательства о пайке, но, со своей стороны, предлагало отказаться от пересмотра состава пайка и выплаты квартирных пособий. В таком случае ежемесячный расход казны на пайки увеличился бы приблизительно на 100 млн. руб. (60 млн. на пайки семьям нижних чинов срочной службы, 27,5 млн. на полный пайск малолетним детям и 12,5 млн. на новых получателей пайка) и составил 423 млн. руб. Возможные сбережения от проектируемого ограничения выдачи пайка только материально обеспеченным и нуждающимся родственникам и свойственникам нижних чинов казались министерству настолько ничтожными по сравнению с предстоящими казне колоссальными расходами, что даже не принимались в расчет (Там же. Л.8–8 об.).

По подсчетам, произведенным в Управлении воинской повинности Министерства внутренних дел в сентябре 1917 г., на продолжение выплаты пайков необходимы были средства, превышавшие 429 млн. руб. в месяц, т.е. свыше 5 млрд. руб. в год.* Согласно этим данным, стоимость среднестатистического пайка по России в декабре 1917 г. должна была составить 12 руб. 13 коп. в месяц: 15 руб. 18 коп. в городах и 11 руб. 86 коп. в сельской местности.

Стоимость пайка определялась стоимостью входивших в него пищевых продуктов, главным образом, муки. В одинаковом размере пайковое довольствие устанавливалось в ряде соседних губерний и областей: в Лифляндской и Эстляндской (17 руб. 12 коп. в городах и 15 руб. 31 коп. в селах), в Петроградской и Псковской (16 руб. 89 коп. и 15 руб. 11 коп.),** в Тобольской и Томской (13 руб. 00 коп. и

* Точнее, на выплату 35 360 348 пайков нужны были 429 012 025 руб. в месяц, а всего 5 148 144 300 руб. в год (См. Приложение). В эти подсчеты не вошли сведения по Финляндии, девяти губерниям и областям: Алтайской, Амурской, Батумской, Донской, Иркутской, Камчатской, Кубанской, Сахалинской и Тургайской, а также о русских подданных, проживающих за границей.

** На копейку меньше стоила крупа, а значит – и пайки в Новгородской губернии.

9 руб. 89 коп.)* в Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской, Эриванской губерниях, Дагестанской и Каресской областях (13 руб. 41 коп. и 10 руб. 51 коп.), в Забайкальской, Закаспийской, Приморской, Самаркандской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Якутской областях (14 руб. 21 коп. и 10 руб. 72 коп.).

Разница в стоимости пайка в целом по стране, в городах и селах и по отдельным губерниям и областям в какой-то мере может характеризовать уровень развития товарно-денежных отношений. Еще в конце 1914 г. печать сообщала о резком, небывалом со времен крепостного права расхождении цен на продовольствие в местах производства и потребления. Стоимость пайка была выше в Центральном промышленном районе, на Европейском Севере России, в северо-западных и западных губерниях. Своего максимума стоимость пайка достигла в Архангельской губернии (21 руб. 21 коп. в городах и 17 руб. 41 коп. в деревнях), вслед за которой следовали Витебская (соответственно 19 руб. 15 коп. и 15 руб. 71 коп.), Ярославская (19 руб. 45 коп. и 13 руб. 57 коп.), Вологодская (18 руб. 12 коп. и 15 руб. 72 коп.), Лифляндская и Эстляндская губернии. В целом ряде губерний юга России, на Кавказе, Урале и Алтае, в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке размер пайков был ниже среднестатистического. Наименьшая стоимость городского пайка устанавливалась в области войска Донского (12 руб. 93 коп.), а сельского – в Семипалатинской области (9 руб. 66 коп.). Из губерний минимальной стоимостью пайка отличались западносибирские – Тобольская и Томская.

Разрыв в стоимости городского и сельского пайков колебался в пределах 2–4 рублей по губернии или области. В нескольких губерниях и областях он был больше: в Самарской губернии этот разрыв составлял 4 руб. 35 коп., в Воронежской – 4 руб. 45 коп., в Пермской – 4 руб. 58 коп., в Акмолинской области – 5 руб. 08 коп., в Ярославской губернии – 5 руб. 88 коп. и доходил до максимума в Семипалатинской области – 6 руб. 84 коп. Наименьшая разница

*На 10 коп. дороже стоила мука в городах Алтайской губернии, выделенной в 1917 г. из состава Томской.

между стоимостью городского и сельского пайка была в Нижегородской (1 руб. 88 коп.), Новгородской, Петроградской, Псковской (1 руб. 78 коп.) и Олонецкой (1 руб. 70 коп.) губерниях.

Количество пайков по губернии зависело от числа призывников и отчасти от миграции населения и притока беженцев. Среди губерний, в которых проживало свыше миллиона членов солдатских семей, лидировала Самарская губерния (1 470 929 человек), затем в порядке убывания следовали Тамбовская, Воронежская, Херсонская, Киевская, Харьковская, Пермская и Вятская губернии.* Более 900 тыс. членов солдатских семей насчитывалось в Саратовской, Курской, Подольской, Екатеринославской и Уфимской губерниях. Во многих губерниях и областях Средней Азии, Кавказа и Прибалтики (Эстляндии) число получателей пайка не превышало нескольких десятков тысяч человек. Минимальное количество членов солдатских семей проживало в Якутской области (2 736 человек, из которых всего лишь 164 были горожанами), Закаспийской (10 552), Самаркандской (11 436) и Ферганской (16 030) областях, Черноморской (17 791) губернии, Кареской, Дагестанской и Сыр-Дарьинской областях. Относительно невысокой была численность солдатских семей в Архангельской, Олонецкой, Виленской губерниях и в Приамурье. Доля получателей пайка в Европейской России составляла 88,2% от общего числа, в Азиатской России – 7,9% и на Кавказе – 3,9%, соответственным образом распределялись расходы на пайки между этими частями империи: 89,7%, 6,8% и 3,5%.

По своему составу русская армия была крестьянской – крестьяне составляли 90% нижних чинов. Поэтому вполне естественно, что почти 92% членов солдатских семей проживало в деревнях и количество сельских пайков многократно превышало число городских. Редкое исключение в соотношении числа городских и сельских пайков представляли собой Петроградская (358 320 городских и 440 267 сельских) и Московская (304 884 и 430 227) губер-

* Только в сельской местности Области войска Донского, сведения о которой в числе девяти указанных выше губерний и областей не были учтены, проживало 259 тыс. семейств, получавших свыше миллиона пайков (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.592. Л.81).

нии, что в первую очередь объяснялось высокой численностью населения в столицах, которые к тому же были особенно привлекательны для мигрантов, устремлявшихся туда в поисках заработка и благотворительной помощи. Сходная пропорция городских и сельских пайков, хотя и по другой причине, наблюдалась в Бакинской губернии (36 445 и 40 418) и Самаркандской области (5 447 и 5 989), а в Ферганской (8 555 и 7 475) и Сыр-Дарьинской (22 393 и 11 833) областях количество городских пайков превышало число сельских. В этих местностях русское население, которое несло основные тяготы по выполнению воинской повинности, проживало главным образом в городах. Однако из-за сравнительной малочисленности членов солдатских семей местные особенности практически не отражались на общем соотношении городских и сельских пайков в стране.

Общие расходы на выплату пайков по губерниям в первую очередь зависели от числа членов солдатских семей и в меньшей степени – от стоимости пайка. Наибольшими были расходы на пайки в Самарской (16 063 131 руб.), Тамбовской (13 915 354), Петроградской (12 704 459), Воронежской (12 672 712) и Киевской (12 246 015) губерниях. Свыше 10 млн. руб. в месяц требовалось на эти расходы также в Подольской, Харьковской, Саратовской, Вятской, Московской, Курской, Пермской, Уфимской и Екатеринбургской губерниях. Экономическая разруха делала судорожные попытки министров, чиновников, делегатов и депутатов согласовать в преддверии надвигающейся политической катастрофы требования социальной справедливости с финансовыми возможностями государства совершенно бессмысленными.

Первым актом советской власти в отношении солдаток стало обращение Совета народных комиссаров от 18 ноября 1917 г., в котором говорилось, что «эсеровско-меньшевистские и кадетские городские управы задерживают выдачу пайков солдаткам или выдают уменьшенные пайки и отсылают солдаток за пайками в Советы». Промедление в выплате пайка в увеличенном размере объяснялось «исключительно ожесточенным саботажем

министерств и банков». Поэтому Совнарком заявлял: «На местах некоторые Советы разрешают вопрос о пайках революционным путем, конфискуя средства у богатей для уплаты пайков солдаткам. Вполне сочувствуя такому решению, Совет народных комиссаров еще раз напоминает, что только революционная самодеятельность и революционный почин местных Советов в борьбе против злоупотреблений и корысти буржуазии способны решить наболевший вопрос» (СУ 1917: Ст.39). По существу это был открытый призыв к грабежу и насилию.

Приложение

*Расходы по выдаче ежемесячного пайка семьям призванных**

Губернии и области	Стоимость пайка (руб., коп.)	Количество пайков	Общая стоимость пайков (руб.)
Акмолинская+		342 571	3 532 400
городские	14,97 (11,90; 1,91)	28 420	425 447
сельские	9,89 (7,65; 1,18)	314 151	3 106 953
Алтайская			
городские	13,10 (10,03; 1,91)		
сельские	9,89 (7,65; 1,18)		
Амурская+			
городские	14,97 (11,90; 1,91)		
сельские	12,87 (10,63; 1,18)		
Архангельская		100 790	1 780 468
городские	21,21 (17,25; 2,80)	6 767	143 528
сельские	17,41 (14,20; 2,15)	94 023	1 636 940
Астраханская		275 485	3 902 739
городские	15,66 (12,32; 2,18)	33 511	524 782
сельские	13,96 (11,18; 1,72)	241 974	3 377 957
Бакинская		76 451	909 190
городские	13,41 (10,83; 1,42)	36 445	488 727
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	40 006	420 463
Бессарабская		630 602	6 792 407
городские	13,05 (10,50; 1,39)	64 874	846 606
сельские	10,51 (8,30; 1,15)	565 728	5 945 801
Виленская		117 555	1 578 930
городские	15,57 (12,12; 2,29)	2 714	42 257
сельские	13,38 (10,99; 1,33)	114 841	1 536 673

* Извлечение из сметы, составленной в Управлении воинской повинности Министерства внутренних дел в сентябре 1917 г. для выплаты пайкового довольствия в декабре текущего года (РГИА. Ф.1292. Оп.7. Д.529. Л.10-20). В отличие от губерний области помечены значком +. В скобках указана стоимость 1 пуда 28 фунгов муки и 10 ф. крупы. Стоимость входивших в состав пайка 4 ф. соли везде определялась в 16 коп., а стоимость 1 ф. постного масла – в 1 рубль в городской и 90 коп. в сельской местности. Следует учитывать, что стоимость продуктов по губерниям и областям округлялась и подсчеты носили приблизительный характер.

Витебская		439 278	7 027 673
городские	19,15 (16,24; 1,75)	36 807	704 854
сельские	15,71(13,05; 1,60)	402 471	6 322 819
Владимирская		601 619	8 804 334
городские	16,27 (12,66; 2,45)	36 097	587 299
сельские	14,53 (11,51; 1,96)	565 522	8 217 035
Вологодская		518 084	8 173 200
городские	18,12 (14,45; 2,51)	12 050	218 346
сельские	15,72 (12,66; 2,00)	506 034	7 954 854
Волынская		763 270	9 215 873
городские	15,90 (12,41; 2,33)	45 796	728 156
сельские	11,83 (9,49; 1,28)	717 474	8 487 717
Воронежская		1 131 768	12 672 712
городские	15,58 (12,03; 2,19)	17 914	275 517
сельские	11,13 (8,92; 1,15)	1 113 854	12 397 195
Вятская		1 012 091	11 245 593
городские	14,74 (11,39; 2,19)	14 094	207 746
сельские	11,06 (8,67; 1,33)	997 997	11 037 847
Дагестанская		32 500	364 775
Городские	13,41 (10,83; 1,42)	8 000	107 280
Сельские	10,51 (8,38; 1,07)	24 500	257 495
Донская+			
городские	12,93 (10,27; 1,50)		
сельские	10,89 (8,50; 1,33)		
Екатеринославская		940 362	10 121 287
городские	13,58 (10,93; 1,49)	77 551	1 053 143
сельские	10,51 (8,30; 1,15)	862 811	9 068 144
Елисаветпольская		85 419	918 817
городские	13,41 (10,83; 1,42)	7 263	97 397
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	78 156	821 420
Енисейская		397 290	4 055 746
городские	13,29 (10,22; 1,91)	18 269	242 795
сельские	10,06 (8,82; 1,18)	379 021	3.812 951
Забайкальская+		167 557	1 894 287
городские	14,21 (11,22; 1,83)	28 102	399 329
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	139 455	1 494 958
Закаспийская+		10 552	113 117
городские	14,21 (11,22; 1,83)		
сельские	10,72 (8,39; 1,27)		
Иркутская			
городские	14,22 (11,15; 1,91)		
сельские	10,91 (8,67; 1,18)		

Казанская		842 472	9 435 809
городские	14,74 (11,39; 2,19)	38 637	569 509
сельские	11,03 (8,67; 1,30)	803 835	8 866 300
Калужская		429 550	6 005 092
городские	15,53 (11,93; 2,44)	18 550	288 082
сельские	13,91 (10,81; 2,04)	411 000	5 717 010
Карсская+		27 515	296 850
городские	13,41 (10,83; 1,42)	2 644	35 456
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	24 871	261 394
Киевская		1 063 188	12 246 015
городские	14,75 (11,54; 2,05)	78 706	1 150 903
сельские	11,27 (9,01; 1,20)	984 482	11 095 112
Костромская		547 780	7 510 948
городские	16,27 (12,63; 2,48)	28 731	467 453
сельские	13,57 (10,54; 1,97)	519 049	7 043 495
Кубанская+			
городские	13,53 (10,97; 1,40)		
сельские	10,40 (8,26; 1,08)		
Курская		977 937	10 984 952
городские	14,40 (11,14; 2,10)	30 738	442 627
сельские	11,13 (8,92; 1,15)	947 199	10 542 325
Кутаисская		155 688	1 663 370
городские	13,41 (10,83; 1,42)	9 341	125 263
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	146 347	1 538 107
Лифляндская		225 574	3 600 437
городские	17,12 (13,45; 2,51)	81 160	1 389 459
сельские	15,31 (12,25; 2,00)	144 414	2 210 978
Минская		581 263	8 128 257
городские	15,57 (12,12; 2,29)	42 077	655 139
сельские	13,86 (10,99; 1,81)	539 186	7 473 118
Могилевская		582 441	8 002 013
городские	15,34 (11,93; 2,25)	30 588	469 220
сельские	13,65 (10,81; 1,78)	551 853	7 532 793
Московская		735 111	11 235 510
городские	16,32 (12,70; 2,46)	304 884	4 975 707
сельские	14,55 (11,54; 1,95)	430 227	6 259 803
Нижегородская		622 277	8 885 240
городские	16,08 (12,44; 2,48)	26 014	418 305
сельские	14,20 (11,17; 1,97)	596 263	8 466 935
Новгородская		430 357	6 527 795
городские	16,88 (13,22; 2,50)	16 519	278 841
сельские	15,10 (12,05; 1,99)	413 838	6 248 954

Олонецкая		121 309	1 830 283
городские	16,74 (13,45; 2,13)	3 409	57 067
сельские	15,04 (12,17; 1,81)	117 900	1 773 216
Оренбургская		592 258	6 997 028
городские	14,71 (12,02; 1,53)	59 622	877 040
сельские	11,49 (9,18; 1,25)	532 636	6 119 988
Орловская		707 885	8 385 744
городские	15,28 (11,93; 2,19)	30 799	470 609
сельские	11,69 (9,28; 1,35)	677 086	7 915 135
Пензенская		693 878	8 246 350
городские	15,11 (11,71; 2,24)	27 763	419 499
сельские	11,75 (8,92; 1,77)	666 115	7 826 851
Пермская		1 024 766	10 567 722
городские	14,74 (11,39; 2,19)	34 083	502 383
сельские	10,16 (8,67; 1,33)	990 683	10 065 339
Петроградская		798 587	12 704 459
городские	16,89 (13,22; 2,51)	358 320	6 052 025
сельские	15,11 (12,05; 2,00)	440 267	6 652 434
Подольская		961 910	11 606 286
городские	15,79 (12,41; 2,22)	33 860	534 649
сельские	11,93 (9,49; 1,38)	928 050	11 071 637
Полтавская		877 064	9 857 434
городские	14,47 (11,12; 2,19)	48 502	701 824
сельские	11,05 (8,64; 1,35)	828 562	9 155 610
Приморская+		121 113	1 323 690
городские	14,21 (11,22; 1,83)	7 266	103 250
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	113 847	1 220 440
Псковская		404 180	6 139 998
городские	16,89 (13,22; 2,51)	18 448	311 587
сельские	15,11 (12,05; 2,00)	385 732	5 828 411
Рязанская		661 415	8 248 655
городские	15,28 (11,68; 2,44)	20 806	317 916
сельские	12,38 (9,28; 2,04)	640 609	7 930 739
Самаркандская+		11 436	141 604
городские	14,21 (11,22; 1,83)	5 447	77 402
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	5 989	64 202
Самарская		1 470 929	16 063 131
городские	15,06 (11,34; 2,56)	71 145	1 071 444
сельские	10,71 (8,50; 1,15)	1 399 784	14 991 687
Саратовская		991 664	11 397 888
городские	14,48 (11,54; 1,78)	107 662	1 558 946
сельские	11,13 (8,92; 1,15)	884 002	9 838 942

Семипалатинская+		78 022	884 700
городские	16,50 (13,43; 1,91)	19 153	316 025
сельские	9,66 (7,42; 1,18)	58 869	568 675
Семиреченская+		104 417	1 141 216
городские	14,21 (11,22; 1,83)	6 265	89 026
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	98 152	1 052 190
Симбирская		636 031	7 356 677
городские	14,88 (11,53; 2,19)	32 173	478 734
сельские	11,39 (8,92; 1,41)	603 858	6 877 943
Смоленская		558 873	8 139 125
городские	15,53 (11,93; 2,44)	23 435	363 946
сельские	13,91 (10,81; 2,04)	535 438	7 775 179
Ставропольская		380 531	4 270 241
городские	13,79 (11,27; 1,36)	15 874	218 902
сельские	11,11 (8,50; 1,55)	364 657	4 051 339
Сыр-Дарьинская+		34 226	445 055
городские	14,21 (11,22; 1,83)	22 393	318 205
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	11 833	126 850
Таврическая		522 929	5 767 875
городские	14,25 (10,96; 2,13)	72 698	1 035 947
сельские	10,51 (8,30; 1,15)	450 231	4 731 928
Тамбовская		1 224 570	13 915 354
городские	14,44 (10,53; 2,75)	36 104	521 342
сельские	11,27 (8,92; 1,29)	1 188 466	13 394 012
Тверская		661 158	9 196 422
городские	16,71 (13,07; 2,48)	37 748	630 769
сельские	13,74 (10,71; 1,97)	623 410	8 565 653
Терская+		136 273	1 566 821
городские	13,29 (10,69; 1,44)	45 136	599 857
сельские	10,61 (8,50; 1,05)	91 137	966 964
Тифлисская		368 698	3 937 874
городские	13,41 (10,83; 1,42)	21 675	290 662
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	347 023	3 647 212
Тобольская		798 823	8 042 430
городские	13,00 (9,93; 1,91)	45 682	593 866
сельские	9,89 (7,65; 1,18)	753 141	7 448 564
Томская		661 226	6 662 849
городские	13,00 (9,93; 1,91)	39 654	515 502
сельские	9,89 (7,65; 1,18)	621 572	6 147 347
Тульская		545 770	6 766 596
городские	16,07 (12,51; 2,40)	22 551	362 395
сельские	12,24 (9,28; 1,90)	523 219	6 404 201

Тургайская+			
городские	13,80 (10,69; 1,95)		
сельские	11,64 (9,18; 1,40)		
Уральская+		63 661	776 472
городские	14,60 (11,82; 1,62)	14 786	215 876
сельские	11,47 (9,18; 1,23)	48 875	560 596
Уфимская		931 118	10 543 347
городские	14,74 (11,39; 2,19)	54 718	806 543
сельские	11,11 (8,67; 1,38)	876 400	9 736 804
Ферганская+		16 030	201 698
городские	14,21 (11,22; 1,83)	8 555	121 566
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	7 475	80 132
Харьковская		1 035 807	11 426 815
городские	13,41 (10,56; 1,69)	62 148	833 405
сельские	10,88 (8,64; 1,18)	973 659	10 593 410
Херсонская		1 078 252	11 905 288
городские	13,00 (9,84; 2,00)	230 064	2 990 832
сельские	10,51 (8,30; 1,15)	848 188	8 914 456
Черниговская		689 988	7 705 783
городские	14,47 (11,12; 2,19)	55 352	800 943
сельские	10,88 (8,64; 1,18)	634 636	6 904 840
Черноморская		17 791	206 251
городские	13,41 (10,83; 1,42)	6 644	89 096
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	11 147	117 155
Эриванская		95 060	1 024 708
городские	13,41 (10,83; 1,42)	8 837	118 504
сельские	10,51 (8,38; 1,07)	86 223	906 204
Эстляндская		57 831	916 911
городские	17,12 (13,45; 2,51)	17 413	298 111
сельские	15,31 (12,25; 2,00)	40 418	618 800
Якутская+		2 736	27 902
городские	14,21 (11,22; 1,83)	164	2 330
сельские	10,72 (8,39; 1,27)	2 572	25 572
Ярославская		357 736	5 047 507
городские	19,45 (15,81; 2,48)	32 828	638 505
сельские	13,57 (10,54; 1,97)	324 908	4 409 002
Итого по России		35 360 348	429 012 025

Литература

- А.И. 1914 – А.И. А все-таки лучше земство! // Защита. 1914. 13 сентября. № 4. С.2.
- Аггеев 1914 – Аггеев К.М. Война и церковное обновление // Биржевые ведомости. 1914. 23 декабря. № 14572. С.3.
- Апурфриев 1915 – Апурфриев К.И. Ближайшие задачи государства в области призрения в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6–7. С.385–398.
- Бехтерев 1914 – Бехтерев В.М. Отрезвление народа и нравственное оздоровление // Биржевые ведомости. 1914. 12 декабря. № 14550. С.3.
- Война 1914 – Война и браки // Биржевые ведомости. 1914. 14 сентября. № 14372. С.4.
- ГД 1912 – Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия пятая. Ч.4. СПб., 1912.
- ГД 1916 – Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Ч.1. Пг., 1916.
- Гогель 1915 – Гогель С.К. Слабые стороны закона 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С.3–8.
- Гронский 1914 – Гронский П.П. Деревня и война // Речь. 1914. 18 октября. № 281. С.2–3.
- Гуревич 1914 – Гуревич Л.Я. О работе в городских попечительствах // Речь. 1914. 29 ноября. № 323. С.3.
- Гурко 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Дашкевич 1915 – Дашкевич Л. К организации деревни // Русская мысль. 1915. № 10. С.78–88 (пагинация 2).
- Движение 1916 – Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг., 1916.
- Дементьев 1917 – Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917.
- Друг 1914 – Друг. На темы дня. Возрождение или забвение? // Камско-Волжская речь. 1914. 1 ноября. № 243. С.6.
- Жилкин 1914 – Жилкин И.В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С.333–342.

- Известия 1915 – Известия Верховного совета по приращению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Вып.3–6.
- Изгоев 1915 – Изгоев А.С. Борьба с дороговизной // Русская мысль. 1915. №5. Ч.ХІХ. С.1–6.
- Историческая сессия 1914 – Историческая сессия законодательных палат // Речь. 1914. 27 июля. № 198. С.2–4.
- Кривенко 1914 – Кривенко В.С. Семьи запасных // Новое время. 1914. 20 сентября. № 13838. С.13–14.
- Кузьмин-Караваев 1914 – Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. №9. С.369–379.
- Кузьмин-Караваев 1915а – Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. №4. С.375–389.
- Кузьмин-Караваев 1915б – Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. №6. С.350–362.
- Кузьмин-Караваев 1915в – Кузьмин-Караваев В.Д. Феерические цифры // Биржевые ведомости. 1915. 10 января. № 14614. С.3.
- Лурье 1915 – Лурье М.М. Будущее германского хозяйства // Вестник Европы. 1915. №8. С.247–301.
- Население 2000 – Население России в XX веке. Т.1: 1900–1939. М., 2000.
- Нищенство 1914 – Нищенство в столице // Биржевые ведомости. 1914. 15 ноября. № 14497. С.5.
- Огановский 1914а – Огановский Н.П. Мирское дело // Северные записки. 1914. № 10/11. С.93–112.
- Огановский 1914б – Огановский Н.П. Отрезвленная Россия // Северные записки. 1914. № 12. С.4–24.
- Оранский 1914 I – Оранский К. Штрихи общественности. (Письмо из Петрограда). I // Киевская мысль. 1914. 11 ноября. № 311. С.2.
- Оранский 1914 II – Оранский К. Штрихи общественности. (Письмо из Петрограда). II // Киевская мысль. 1914. 18 ноября. № 318. С.2.
- Помощь 1914 – Помощь семьям воинов // Камско-Волжская речь. 1914. 1 ноября. № 243. С.5.
- Пономарев 1914 – Пономарев К.М. Переворот в народном быту // День. 1914. 27 ноября. № 323. С.5.
- Правительственный вестник 1914 – Правительственный вестник. 1914. 2 сентября. № 200. С.1.
- Рысс 1915 – Рысс П. Рассудку вопреки // Речь. 1915. 5 марта. № 62. С.2.

- Священник 1914 – Священник. Духовенство и благотворительное дело // Современное слово. 1914. 14 декабря. № 2487. С.2.
- Товарковская 1917 – Товарковская Е.И. Нужды опекаемых в 19-м городском попечительстве // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2–3 (Летопись петроградских городских и пригородных попечительств. 1917. № 2–3. Стб.95–98).
- Трезвая деревня 1914 – Трезвая деревня (Письмо из Тамбова) // Речь. 1914. 17 октября. № 280. С.5–6.
- Уфимский 1914 – Уфимский А. Газет! Газет! // Защита. 1914. 13 сентября. № 4. С.2.
- Фотиев 1914 – Фотиев Н. К призрению семей воинов // Утро Сибири. 1914. 21 сентября. № 209. С.3–4.
- Шпак 1915 – Шпак. В глуши деревенской // Утро России. 1915. 27 января. № 27. С.3.